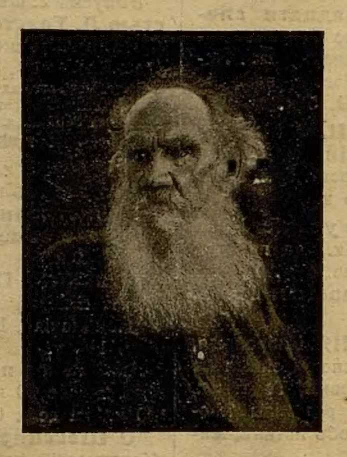
Эрнестъ Кросби.

ТОЛСТОЙ
и
ЕГО ЖИЗНЕПОНИМАНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

СЪ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ЗАМѢТКОЙ Л. Н. ТОЛСТОГО и краткимъ біографическимъ очеркомъ „Эрнестъ Кросби, поэтъ новаго міра, И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

СОЧИНЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО,

изданныя „ПОСРЕДНИКОМЪ“.

1. Исповѣдь. 2. Изъ мыслей о Богѣ. Ц. на бумагѣ верже 30 к., на простой бумагѣ 20 к., на дешевой бумагѣ 10 к.

Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 15 к.

I. Жизнь и ученіе Іисуса. II. Какъ читать Евангеліе. Ц. 5 к.

Въ чемъ моя вѣра. Ц. на бумагѣ верже 40 к., на простой бумагѣ 30 к., на дешев. бум. 25 к.

Такъ что же намъ дѣлать? Вып. 1-й. Ц. на бумагѣ верже 50 к., на простой бумагѣ 30 к., на дешев. бумагѣ 20 к. Вып. 2-й. Ц. на бумагѣ верже 50 к., на пр. бум. 30 к., на деш. бум. 20 к. Оба выпуска вмѣстѣ. Ц. на бум. верже 1 р., на прост. бум. 60 к., на деш. бум. 40 к.

Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочиненіе временъ апостоловъ. Переводъ съ греческаго и введеніе Л. Н. Толстого. Ц. 5 к.

I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Ц. на бум. верже 50 к., на прост. бум. 35 к., на дешев. бум. 25 к.

Христіанское ученіе. Ц. на бумагѣ верже 30 к., на простой бум. 25 к., на деш. бум. 15 к.

Религія и нравственность. Ц. 5 к.

КРУГЪ ЧТЕНІЯ. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли, статьи и разсказы многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи.

„Кругъ чтенія“ заключаетъ въ себѣ: избранныя мысли и статьи замѣчательныхъ мыслителей, писателей и поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ и, между прочимъ, многіе новые афоризмы Л. Н. Толстого; 2) 52 недѣльныхъ чтенія, содержащихъ въ себѣ разсказы и статьи русскихъ и иностранныхъ беллетристовъ и мыслителей, въ томъ числѣ рядъ новыхъ разсказовъ и статей Л. Н. Толстого.

Томъ I. **Съ новыми разсказами Л. Толстого: „Корней Васильевъ“, „Ягоды“, „Молитва“,** и статьями **„О воспитаніи“. Послѣсловіе къ разсказу Чехова „Душечка“, „Будда“** и т. д. 535 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Томъ II. Выпускъ 1. **Съ новымъ разсказомъ Л. Толстого „За что?“** изъ временъ польскаго возстанія 30-хъ годовъ, и статьями его **„Паскаль“** и **„Петръ Хельчицкій“**. 293 стр. Ц. 80 к.

Выпускъ 2. **Съ новою повѣстью Л. Толстого „Божеское и человѣческое“** и со статьей его **„Ламене“**. 321 стр. Ц. 80 к.

Въ обоихъ томахъ около 1,200 страницъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 60 к., оба тома 3 р. 20 к. (безъ пересылки).

Великій грѣхъ. Ц. 5 к., на дешев. бум. 3 к.

Что же дѣлать? Ц. 3 к.

Единственно возможное рѣшеніе земельнаго вопроса. Ц. 3 к.

О войнѣ. По поводу книги Л. И. Ершова „Севастопольскія воспоминанія“. Ц. 3 к., на деш. бум. $1^1/_2$ к.

Что такое искусство? Ц. на бум. верже 60 к., на прост. бум. 40 к., на деш. бум. 30 к.

О Шекспирѣ и о драмѣ. Критическій очеркъ. Ц. 20 к.

Будда. Изъ „Круга чтенія“. Ц. 2 к.

Продаются въ книжномъ магазинѣ **„Посредникъ“** (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада книгоиздательства **„Посредникъ“** (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову).

Эрнестъ Кросби.

ТОЛСТОЙ и ЕГО ЖИЗНЕПОНИМАНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

СЪ ЗАМѢТКОЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО

„Первое знакомство съ Э. Кросби“

И КРАТКИМЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

„ЭРНЕСТЪ КРОСБИ, ПОЭТЪ НОВАГО МІРА“,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

И. Горбуновымъ-Посадовымъ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.
№ 721.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1911.

Первое знакомство съ Эрнестомъ Кросби.

Очень радъ случаю вспомнить о моемъ общенiи съ этимъ прекраснымъ человѣкомъ.

Первое мое знакомство съ нимъ было письменное. Онъ прислалъ мнѣ изъ Египта, гдѣ онъ былъ судьею, довольно большую сумму денегъ для пострадавшихъ отъ неурожая. Я отвѣчалъ на его письмо, и скоро послѣ этого онъ самъ прiѣхалъ.

Къ стыду моему, помню, что, несмотря на привлекательную личность Кросби, я въ своемъ сужденiи не выдѣлилъ его изъ обычныхъ американскихъ посѣтителей, руководящихся въ своихъ посѣщенiяхъ только моей извѣстностью. Помню, однако, что его вопросъ, прямо обращенный ко мнѣ, удивилъ меня.

Мы шли, какъ теперь помню, на выходъ изъ стараго дубоваго лѣса. Это было лѣтнимъ вечеромъ. Онъ сказалъ: „Что вы мнѣ посовѣтуете дѣлать теперь, вернувшись въ Америку?"—Это былъ вопросъ до такой степени выходящiй изъ обычныхъ прiемовъ посѣтителей, что я удивился и все-таки не понялъ и тогда его совершенную искренность и то, что въ немъ въ это время совершался тотъ великiй для жизни человѣка переворотъ, который пережилъ и я, и котораго желаю всѣмъ людямъ, — переворотъ, состоящiй въ томъ, что всѣ многообразныя цѣли жизни вдругъ замѣняются однимъ: дѣлать то, что свойственно человѣку, и то, что хочетъ отъ меня воля, руководящая тѣмъ мiромъ, въ которомъ я живу.

Я никакъ не думалъ, что этотъ образованный, красивый, богатый, пользующiйся хорошимъ общественнымъ положе-

ніемъ, человѣкъ могъ серьезно думать о томъ, чтобы, пренебрегши всѣмъ прошедшимъ, посвятить свою жизнь служенію Богу.

Помню, мы остановились, и я, хотя и не довѣряя вполнѣ его искренности, сказалъ ему, что есть у нихъ въ Америкѣ замѣчательный человѣкъ Джорджъ, и послужить его дѣлу есть дѣло, на которое стоитъ направить всѣ свои силы.

И къ удивленію и радости моей, я скоро узналъ и по письмамъ Кросби и по другимъ свѣдѣніямъ, что онъ не только исполнилъ мой совѣтъ и сталъ энергичнымъ борцомъ за дѣло Джорджа, но сталъ человѣкомъ во всей своей жизни и дѣятельности преслѣдующимъ одну и ту же со мной цѣль. Это я видѣлъ и изъ его писемъ и изъ его прекрасной книги, въ которой онъ съ разныхъ сторонъ, хотя и, къ сожалѣнію, въ стихахъ, высказалъ съ большой силой свое религіозное, вполнѣ согласное со мною міросозерцаніе.

Радъ случаю вспомнить объ этомъ не только миломъ, привлекательномъ, богато одаренномъ человѣкѣ, но и о человѣкѣ съ рѣдко встрѣчаемымъ цѣльнымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ.

Л. Толстой.

Декабрь 1907 г.

Эрнестъ Кросби, поэтъ новаго міра.

I.

Возрожденіе христіанства, предпринятое Львомъ Толстымъ и проповѣданное его произведеніями по всѣмъ почти краямъ современнаго міра, болѣе всего отзвука и поддержки себѣ нашло въ англосаксонскихъ народахъ.

Что же касается до другихъ «великихъ», какъ принято называть «націй», то почти все мыслящее и дѣйствующее во Франціи, напримѣръ, принадлежитъ, какъ извѣстно, или къ атеистамъ или къ католичеству,—религіи, заставившей стольких свободно мыслящихъ людей ненавидѣть и презирать всякую религію вообще.

Мнѣ припоминается мой разговоръ по этому поводу осенью 1900 года съ теперешнимъ вождемъ антимилитаристическаго движенія во Франціи, Эрве, послѣ прочитанной имъ тогда въ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьи Парижа въ народномъ университетѣ «Кооперація идей» лекціи о «Царствѣ Божіемъ» Толстого. Онъ читалъ ее съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, съ горячей симпатіей къ Толстому, къ его великому произведенію, къ протесту противъ насилія, проникающему его. Но когда онъ дошелъ до изложенія Толстымъ религіозной основы его ученія, то, сказавъ о ней нѣсколько бѣглыхъ словъ, онъ сказалъ, что не станетъ распространяться объ этой сторонѣ «Царства Божія», какъ совершенно не интересующей его. При этомъ сдѣланное имъ мимолетное опредѣленіе религіозныхъ взглядовъ Толстого совершенно не соотвѣтствовало настоящему пониманію Толстымъ ученія Христа. Представленіе Толстого о Богѣ и Христѣ представилось въ немъ слуша-

телямъ чѣмъ-то очень похожимъ на вѣрованія католицизма. Видно было, что для Эрве была совершенно непонятна чистая, раціональная христіанская религіозная идея. И, вообще говоря о религіи, онъ сдѣлалъ такой жестъ, который означалъ, что для лектора это нѣчто такое, о чемъ не стоитъ и говорить. И хотя въ концѣ лекціи Эрве горячо совѣтовалъ своимъ слушателямъ читать и перечитывать эту книгу, и одна изъ его слушательницъ, молодая работница, съ серьезнымъ блѣднымъ лицомъ, въ изношенномъ, бѣдномъ черномъ платьѣ, тутъ же почти вырвала у лектора книгу и унесла ее, прижимая къ груди, домой, все же аудиторія разошлась, не узнавъ ничего о самыхъ основахъ ученія Толстого.

Бесѣдуя послѣ этой лекціи съ Эрве, я замѣтилъ ему, говоря объ этой сторонѣ лекціи: «Должно быть, это католицизмъ пріучилъ васъ чураться самаго слова Богъ, такъ же какъ у насъ суевѣрные люди боятся слова дьяволъ».

«Да, да, совѣршенно вѣрно», отвѣчалъ мнѣ Эрве, добродушно смѣясь.

Небольшая група протестантовъ, наслѣдниковъ прежнихъ гугенотовъ, болѣе свободомыслящая, чѣмъ католики, въ основномъ христіанскомъ вопросѣ о насиліи ничѣмъ не отличается отъ католиковъ, какъ не отличались отъ нихъ въ этомъ, основномъ для христіанина вопросѣ, ихъ предки, гугеноты, съ пѣніемъ благочестивыхъ псалмовъ, съ молитвенникомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой, проливавшіе кровь своихъ братьевъ-католиковъ въ братоубійственныхъ религіозныхъ войнахъ, бывшихъ послѣдствіемъ совершеннаго извращенія христіанства. Вотъ почему и изъ среды французскихъ протестантовъ было до сихъ поръ очень мало людей, серьезно симпатизировавшихъ проповѣди Толстого и активно работавшихъ для дѣла истиннаго возрожденія христіанства.

Такой же индифферентизмъ къ дѣлу истиннаго возрожденія христіанства видимъ мы въ общемъ и въ Германіи. Наиболѣе идейные представители германскаго общества—это или атеисты-матеріалисты или протестанты, часто очень далеко идущіе въ свободномъ, критическомъ отношеніи къ ортодоксальному христіанству въ смыслѣ догматовъ, легендъ и проч.), но или совершенно индифферентные къ дѣлу возрожденія человѣчества, къ дѣлу реформы всей жизни на основаніи ученія Христа, или же даже совершенно враждебные тѣмъ

самымъ основамъ христіанства, которыя съ такою силою извлекъ изъ - подъ задавившихъ ихъ камней извращенія и заблужденія нашъ великій религіозный мыслитель.

До какой степени трудно религіозному нѣмецкому мыслителю высвободиться изъ-подъ специфически германскаго одурѣнія, въ которомъ они сами воспитываются и воспитываютъ потомъ другихъ, видно изъ того, что нѣтъ почти совершенно религіозныхъ мыслителей въ Германіи, которые не ухитрились бы соединить въ себѣ симпатіи къ великому Учителю, провозглашавшему, что нѣсть эллина и іудея, съ нѣмецкимъ шовинизмомъ. Почти всѣ изъ нихъ чтутъ «Deutschland uber alles» и братоубійственныхъ полководцевъ своей страны наравнѣ съ апостолами Учителя любви. Въ прошумѣвшей недавно въ Германіи «Жизни Іисуса Христа», изложенной новымъ извѣстнымъ романистомъ, пасторомъ Френсеномъ, въ его романѣ «Святая земля» (Хиллегенли), гдѣ въ повѣствованіи, проникнутомъ теплой симпатіей къ Учителю изъ Назарета, личность Христа изображается въ духѣ свободныхъ религіозныхъ мыслителей, авторъ въ числѣ передовыхъ христіанскихъ борцовъ человѣчества упоминаетъ имя Бисмарка, этого «истиннаго слуги Антихриста», какъ выразился бы нашъ раскольникъ, имя человѣка, съ головы до ногъ забрызганнаго кровью милліоновъ прусскихъ, ганноверскихъ, саксонскихъ, австрійскихъ, датскихъ и французскихъ братьевъ - солдатъ, которыхъ онъ съ дьявольскою хитростью стравливалъ во славу единой и нераздѣльной Германіи.

Недавно мнѣ попалось перечисленіе книгъ одной нѣмецкой серіи «Религіозныхъ воспитателей», и въ числѣ этихъ религіозныхъ воспитателей стояло имя Бисмарка, которому, какъ таковому, былъ посвященъ цѣлый томъ этой серіи. Дальше, кажется, не можетъ итти безуміе мнимаго германскаго христіанства!

Вотъ почему, хотя какъ и среди французовъ, такъ и среди нѣмцевъ тысячи людей читаютъ съ глубокимъ вниманіемъ мыслительныя произведенія Толстого, и постоянныя письма изъ этихъ странъ, стекающіяся въ Ясную Поляну, показываютъ намъ, что идеи христіанскаго возрожденія пріобрѣтаютъ себѣ все больше и больше сторонниковъ и въ этихъ странахъ, все же результаты воздѣйствія проповѣди Толстого въ этихъ странахъ не могутъ быть сравнены съ вліяніемъ произведеній Толстого въ мірѣ англосаксонскихъ народовъ.

Среди англосаксовъ сѣмена проповѣди Толстого нашли для себя давно готовую, глубоко уже вспаханную почву. Религіозная жизнь англосаксонскихъ народовъ издавна была глубже и шире религіозной жизни другихъ европейскихъ народовъ,— глубже и шире въ томъ отношеніи, что религіозная мысль англосаксовъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, издавна уже не ограничивалась однимъ самоуглубленіемъ въ истины религіи, но требовала отъ личной, общественной и государственной жизни радикальнаго измѣненія въ духѣ этихъ религіозныхъ истинъ.

Въ то время, какъ въ Германіи такое самое передовое реформаціонное движеніе, какъ анабаптизмъ, стремившееся реформировать не только религію, но преобразовать всю жизнь на началахъ религіозныхъ убѣжденій, явилось только сравнительно мимолетнымъ явленіемъ, въ Англіи наиболѣе глубокія передовыя религіозныя движенія являлись долговременными силами, боровшимися за радикальное измѣненіе строя жизни на началахъ религіозной истины, любви и справедливости.

Послѣдователи перваго англійскаго реформатора Виклефа, друзья трудового народа, бѣдные священники, лолларды, не ограничиваясь одною проповѣдью противъ папизма и связанныхъ съ нимъ суевѣрій и идолопоклонствъ, проповѣдывали новый строй жизни, основанный на равенствѣ всѣхъ людей и на братствѣ. Гонимые за эту проповѣдь, за призывъ народа и властителей его къ осуществленію Царства правды на землѣ, многіе изъ нихъ умерли мученическою смертью за свои проповѣди, тогда какъ Лютеръ и другіе нѣмецкіе реформаторы спокойно жили-поживали на хорошемъ содержаніи у лютеранскихъ князей. Огромное умственное и экономическое движеніе, связанное съ дѣятельностью бѣдныхъ священниковъ, въ концѣ концовъ, благодаря тяжкому гнету, вылившееся, къ сожалѣнію, въ кровавой крестьянской революціи и задавленное съ еще болѣе безумно кровавою жестокостью, оставило глубочайшіе слѣды въ духовной жизни народа, и съ тѣхъ поръ въ Англіи всѣ глубочайшіе религіозные умы ея неразрывно связывали религіозное возрожденіе съ переустройствомъ всей жизни на новыхъ основаніяхъ.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ сынъ трудового народа, бѣдный сапожникъ Фоксъ, проповѣдывалъ возрожденіе христіанства чрезъ ученіе, ближе всѣхъ до тѣхъ поръ религіозныхъ уче-

ній приблизившееся къ истинному пониманію ученія Христа и требовавшее совершеннаго возрожденія на евангельскихъ началахъ жизни, совершенно отклонившейся отъ исповѣданія на дѣлѣ ученія Христа, лицемѣрно почитавшагося офиціальными церквами Англіи, проповѣдывавшими все, что угодно, но только не обоснованіе жизни человѣка, общества и государства на христіанскихъ основахъ. Правда, ученіе Фокса не захватило широкихъ массъ, оставшихся въ рабствѣ у фальсифицировавшихъ ученіе Христа англійскихъ церквей и сектъ, но все наиболѣе глубокое въ духовномъ мірѣ тогдашней Англіи присоединилось къ Фоксу и его друзьямъ, и, немногочисленное по количеству своихъ приверженцевъ, религіозное движеніе это, на ряду съ вѣрой поставившее осуществленіе ученія Іисуса въ жизни, имѣло огромное значеніе и вліяніе въ духовной жизни не только тѣхъ нѣсколькихъ поколѣній Англіи и Америки, среди которыхъ оно дѣйствовало съ наибольшею интенсивностью, но и на духовную жизнь человѣчества вообще. Ученію квакеровъ мы обязаны началомъ великой проповѣди противъ войны, проповѣди разоруженія народовъ, всеобщаго мира; ей мы обязаны проповѣдью уваженія къ женщинѣ и равноправія ея, проповѣдью если ужъ не уничтоженія судовъ, то хоть полнаго смягченія униженій и страданій несчастныхъ отверженцевъ тюремъ и каторги,—ей въ огромной степени обязаны уничтоженіемъ страшнаго пятна рабства среди человѣчества.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ,—кромѣ такихъ великихъ борцовъ за свободу и счастье человѣка, какихъ выдвинулъ англійскій народъ въ лицѣ ряда своихъ квакеровъ и такихъ проникнутыхъ глубокою религіозностью людей близкаго къ нимъ религіознаго оттѣнка, какъ Вильберфорсъ, напримѣръ,—мы видимъ передовыхъ религіозныхъ дѣятелей Англіи въ первыхъ рядахъ людей, борющихся за измѣненіе строя жизни въ интересахъ вѣчной правды и всего народа,—достаточно припомнить въ этомъ отношеніи дѣятельность Кингслэя и его друзей, которые съ такимъ самоотверженіемъ работали для облегченія жизни трудового народа Великобританіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, какъ въ остальной Западной Европѣ среди писателей-реформаторовъ устанавливается господство матеріалистическаго міровоззрѣнія, величайшіе мыслители Англіи XIX вѣка, Рёскинъ и Карлайль, глубоко проникнуты религіознымъ духомъ, и въ самой скромной библіотекѣ

англійскаго мыслящаго рабочаго на ряду съ Рёскинымъ мы видимъ произведенія другого великаго англосаксонскаго экономиста Джорджа, такъ же, какъ и Рёскинъ, глубоко проникнутаго свободно-религіознымъ духомъ.

Вотъ почему мы видимъ въ Англіи такой глубокій интересъ къ религіознымъ произведеніямъ Толстого, и не только среди многихъ людей, раздѣляющихъ вполнѣ его взгляды, но и среди людей всевозможныхъ оттѣнковъ религіозной мысли, раціоналистовъ, представителей всевозможныхъ идеалистическихъ теченій, послѣдователей свободныхъ церквей и исповѣданій, послѣдователей государственной церкви.

Мы видимъ тамъ много прекрасныхъ переводовъ и изданій сочиненій Толстого, широко распространившихся во всемъ англійскомъ мірѣ, начиная съ береговъ Темзы и кончая пустынями Африки. Русскій писатель, попавшій въ австралійскія степи, разсказываетъ, что первый вопросъ, съ которымъ обратился къ нему, узнавъ, что онъ русскій, австралійскій скватеръ, полуодичавшій, съ точки зрѣнія наружной цивилизаціи, обросшій волосами человѣкъ, былъ: «А что дѣлаетъ теперь Толстой?»

Мы видимъ тамъ рядъ попытокъ устройства жизни на свободно-христіанскихъ началахъ, на началахъ братства, взаимопомощи, отрицанія собственности, отрицанія всякаго насилія, на началахъ жизни земледѣльческимъ трудомъ, наиболѣе разумнымъ, необходимымъ съ точки зрѣнія Толстого.

То же самое мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, этой странѣ, которая является въ нашемъ представленіи страной одной религіи доллара, одной бѣшеной борьбы за существованіе, сплошной погони за матеріальными благами. На ряду со всѣмъ этимъ здѣсь, съ первыхъ англійскихъ поселенцевъ Штатовъ, покинувшихъ свою родину ради того, чтобы свободно исповѣдывать свою религію, претерпѣвшихъ жестокія гоненія за свои религіозныя убѣжденія, не переставала совершаться въ сердцахъ глубокая духовная работа надъ выясненіемъ религіозной истины, проникновеніемъ ею и надъ попытками воплотить ее въ жизнь. Объединяясь въ цѣлыя теченія, какъ квакерское, напримѣръ, унитаріанское, въ большія религіозныя группы, какъ перфекціонисты, шекеры и проч., растекаясь въ видѣ тысячи разнообразныхъ религіозныхъ ручьевъ въ американскомъ народѣ или совершаясь въ уединенной, живущей одиноко въ своемъ душевномъ мірѣ, лич-

ности, эта духовная и стремящаяся вмѣстѣ съ тѣмъ пересоздать жизнь религіозная работа никогда не прекращалась и не прекращается въ Соединенныхъ Штатахъ.

Духовная сторона этой религіозной работы въ американскомъ народѣ дала такихъ исполиновъ религіозной мысли, какъ Чаннингъ, Паркеръ и Эмерсонъ.

Другая сторона религіозной работы американцевъ, стремящаяся пересоздать всю жизнь согласно идеаламъ высшаго пониманія религіи вообще и христіанства въ частности, дала человѣчеству Гаррисона, великаго апостола любви и свободы, великаго борца противъ насилія во всѣхъ его формахъ, освободителя рабовъ, создавшаго гигантское движеніе для ихъ освобожденія, и Генри Джорджа, великаго апостола того освобожденія земли, которое, по вѣрѣ его, должно приблизить къ землѣ Царство Божіе, царство вѣчной истины, вѣчной любви и вѣчной справедливости.

Такова была почва для проповѣди Толстого въ англосаксонскихъ народахъ, въ сердцахъ наиболѣе искреннихъ и серьезныхъ религіозныхъ людей, въ которыхъ проповѣдь эта естественно должна была встрѣтить глубокій интересъ и глубокое сочувствіе.

Стоитъ только взглянуть на корреспонденцію нѣсколькихъ дней въ Ясной Полянѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Среди груды писемъ непремѣнно встрѣчается рядъ писемъ изъ Англіи и Америки, писемъ людей, сочувствующихъ, запрашивающихъ, обсуждающихъ какой-либо изъ вопросовъ, близкихъ, важныхъ для Льва Николаевича. Въ ежедневной пачкѣ газетъ, журналовъ, книгъ, всегда кучка англійскихъ и американскихъ (особенно много американскихъ) газетъ, журналовъ, книгъ, посвященныхъ религіознымъ вопросамъ или же вопросамъ о реформѣ жизни, преимущественно тоже исходящей изъ религіозныхъ обоснованій. Здѣсь встрѣтишь журналы и книги всѣхъ, наиболѣе глубоко ставящихъ и разрѣшающихъ проблемы религіи и реформы жизни, религіозныхъ и соціальныхъ теченій, органы мистическихъ и религіозно раціоналистическихъ теченій, органы старо- и нео-буддизма, органы соединенія религій, антимилитаризма и всеобщаго мира, органы разрѣшенія земельнаго вопроса, вегетаріанства, органы разныхъ радикально-христіанскихъ соціальныхъ теченій и реформъ и т. п.

Всѣ эти перекрещивающіяся, сливающіяся или особнякомъ текущія теченія, религіи возвышенія человѣческаго духа и пе-

ресозданія жизни на ея началахъ шлютъ въ Ясную Поляну вѣсть о себѣ. Каждое вновь возникающее, крошечное еще по своимъ размѣрамъ движеніе такого характера старается войти въ общеніе съ Толстымъ, познакомить его съ своимъ дѣломъ, привлечь къ себѣ его симпатіи.

Нѣкоторые изъ этихъ ручейковъ религіозно-соціальной мысли превращаются потомъ въ потоки, выбрасывающіе на берегъ Ясной Поляны вѣсти о своемъ движеніи. Другіе скоро исчезаютъ послѣ своего появленія безслѣдно. Но на смѣну имъ появляются десятки другихъ, показывая всю силу, всю жизненность религіозныхъ исканій, стремленій, работы и борьбы въ духовномъ мірѣ англосаксовъ среди всѣхъ враждебныхъ духовной жизни теченій извращенія христіанства, шовинизма, капитализма, матеріализма, имперіализма, расоваго и личнаго эгоизма.

II.

Среди людей, особенно глубоко воспринявшихъ взгляды Толстого на христіанство, на смыслъ личной жизни человѣка, на жизнь общества и государства, людей, всего болѣе сдѣлавшихъ для распространенія идей Толстого среди своего народа, въ Америкѣ особенно выдѣлился недавно скончавшійся поэтъ и публицистъ Эрнестъ Кросби, написавшій предлагаемую книгу, лучшую, по нашему мнѣнію, изъ всѣхъ книгъ, которыя были пока написаны о самой сущности, самомъ ядрѣ ученія Толстого.

Родина Кросби—демократическіе Соединенные Штаты—въ сущности, вполнѣ демократична лишь на страницахъ своей конституціи. Въ дѣйствительности же и она, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя классовое государство со своими партіями и со своею аристократіей, къ которой принадлежалъ Кросби. Аристократія слагается тамъ изъ аристократіи по происхожденію (преимущественно потомки первыхъ переселенцевъ—основателей Штатовъ), аристократіи власти, аристократіи науки, аристократіи духовенства,—наконецъ, аристократіи богатства, пользующейся хотя наибольшимъ могуществомъ, но и наименьшимъ все же уваженіемъ.

Кросби происходилъ изъ уважаемаго разряда аристократіи. Для него, сына извѣстнаго пресвитеріанскаго пастора, какъ для всѣхъ привилегированныхъ американцевъ, были широко раскрыты три карьеры: духовная, научная и государственная, карьера власти. Онъ выбралъ послѣднюю.

Окончивъ курсъ въ нью-іоркскомъ университетѣ и довершивъ свое образованіе въ колумбійской юридической школѣ, Кросби занимался сначала адвокатурой, а затѣмъ въ 1887 г. занялъ мѣсто судьи въ нью-іоркскихъ судебныхъ установленіяхъ, оставшееся вакантнымъ послѣ ухода съ него будущаго президента республики Теодора Рузвельта. Предъ умнымъ, даровитымъ, широко образованнымъ, хорошо владѣющимъ словомъ, виднымъ собою Кросби поднималась дорога, которая должна была привести его, вѣроятно, къ высокимъ государственнымъ постамъ—сначала, вѣроятно, къ мѣсту какого-нибудь майора, т.-е. городского головы, потомъ губернатора штата, а затѣмъ—кто знаетъ!—можетъ-быть, и кандидата въ президенты. Все было такъ опредѣленно на этой дорогѣ, и Кросби быстро подвигался по ней впередъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣятельности республиканской партіи, властвовавшей въ Соединенныхъ Штатахъ въ послѣднія десятилѣтія. Въ качествѣ американскаго политическаго патріота онъ увлекался даже одно время военнымъ искусствомъ и въ роли майора добровольной національной гвардіи эффектно парадировалъ, воображая себя, какъ иронически писалъ онъ потомъ, «смѣсью Наполеона съ Вашингтономъ», по самому шикарному проспекту Нью-Йорка—Пятому авеню, той самой улицѣ, о которой онъ пишетъ въ предлагаемой книгѣ, что «можно почувствовать братство людей въ Восточномъ Бродуеѣ» (обиталище нью-йоркской голытьбы) и «невозможно почувствовать его въ Пятомъ авеню» (обиталище американскихъ милліардеровъ).

Слѣдующимъ послѣ судейскаго мѣста въ Нью-Йоркѣ повышеніемъ Кросби было назначеніе его членомъ отъ Соединенныхъ Штатовъ въ международномъ судѣ въ Александріи, въ Египтѣ.

Въ Александріи въ душевномъ мірѣ Кросби произошелъ переворотъ, совершенно измѣнившій всю его жизнь и дѣятельность.

Мы не знаемъ ничего о внутренней жизни Кросби до того времени. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душевной глубинѣ его, безсознательно, можетъ-быть, для него самого, совершалось движеніе, которому нуженъ былъ только толчокъ могучей мысли для того, чтобы направить его по истинному руслу жизни.

Этимъ толчкомъ для него явилась книга «О жизни», написанная Львомъ Толстымъ.

До тѣхъ поръ Кросби попадались лишь нѣкоторыя небольшія статьи Толстого по нравственнымъ вопросамъ. Онѣ не оставались для него мимолетными впечатлѣніями. Подъ вліяніемъ ихъ онъ пытался измѣнить нѣкоторыя привычки въ своей жизни, но глубокаго значенія онѣ для него не имѣли.

Книга же «О жизни» произвела въ немъ совершенный духовный переворотъ, измѣнившій все его отношеніе къ міру, къ людямъ, ко всѣмъ вопросамъ жизни.

Считая, что, исповѣдуя по обычаю и по привычкѣ окружавшихъ его людей (и по семейнымъ традиціямъ—отецъ его, какъ мы говорили, былъ извѣстнымъ церковнымъ проповѣдникомъ) пресвитеріанское ученіе, онъ исповѣдуетъ христіанскую религію, религію самоотверженія, почитая отвлеченную идею Божества, Кросби, какъ всѣ люди правящихъ классовъ, въ дѣйствительности, несмотря на все врожденное благородство души, практически исповѣдывалъ одну религію эгоизма. Его общественная дѣятельность была вся связана съ перспективами хорошей житейской карьеры. Его успѣхъ, его слава, его обезпеченность, его роль въ обществѣ и въ государствѣ—вотъ въ чемъ въ дѣйствительности была его религія, его жизнепониманіе, какъ и всѣхъ почти людей его круга.

Понятія о Божествѣ, о Христѣ, которыя онъ привыкъ искренно чтить съ дѣтства, были, въ сущности, только удобнымъ украшеніемъ жизни, которое ничего не требовалъ отъ него, кромѣ тѣхъ неопредѣленныхъ филантропическихъ чувствъ, которыя внушаютъ людямъ, пирующимъ за столомъ жизни, бросать время отъ времени крошки бѣднымъ Лазарямъ. Путь его жизни былъ опредѣленъ. Онъ былъ самъ по себѣ, религія сама по себѣ. Межъ нимъ и его религіей былъ какъ бы молчаливый уговоръ, состоящій въ томъ, что одна не будетъ мѣшать другому. Религія, исповѣдуемая имъ, не помѣшала бы ему, очень доброму и просвѣщеннѣйшему человѣку, въ качествѣ губернатора Штата Нью-Йоркъ, подписывать въ годъ десятки приговоровъ о казняхъ, производимыхъ затѣмъ самымъ культурнымъ съ его точки зрѣнія способомъ—посредствомъ электрическихъ машинъ. Она не помѣшала бы ему подписывать въ качествѣ президента декреты о самой ужаснѣйшей войнѣ съ Испаніей, Филиппинами, Японіей, Англіей, кѣмъ угодно. Напротивъ, совершивъ, быть-можетъ, подобно Рузвельту, военные подвиги во главѣ сформированнаго имъ же полка смѣлыхъ убійцъ, онъ возсылалъ бы, быть-можетъ,

благодарственныя молитвы исповѣдуемому имъ Богу за сохраненіе его жизни и за истребленіе имъ другихъ, хотѣвшихъ истребить его, людей. Но, очевидно, независимо отъ этого, сложившагося у него подъ вліяніемъ того міра, въ которомъ онъ жилъ, міросозерцанія, въ душѣ его, какъ я уже говорилъ, происходила, непонятная ясно, быть-можетъ, для него самого, работа, завершившаяся полнымъ духовнымъ переворотомъ подъ вліяніемъ книги Толстого.

Книга эта съ необыкновенной силой и ясностью показала ему, чѣмъ въ дѣйствительности жили онъ и подобные ему люди. Она раскрыла передъ нимъ эгоизмъ, бывшій основою его жизни, въ то время какъ онъ въ самообольщеніи предполагалъ, что онъ работаетъ для какихъ-то высшихъ интересовъ, и, обнаживъ передъ нимъ эту основу его жизни, она показала ему всю безсмысленность, всю тщету, всю низменность такого существованія, дѣятельность котораго направлена была въ сущности своей на удовлетвореніе одной лишь эгоистической животной личности.

И когда Кросби созналъ это, книга эта раскрыла предъ нимъ другой законъ жизни, другую истинную жизнь, истинную основу человѣческаго духа — любовь, любовь не узкихъ привязанностей, не семьи, не своихъ соплеменниковъ, не гражданъ лишь Соединенныхъ Штатовъ въ ихъ цѣломъ, не одного даже человѣчества, а той великой божеской любви, которая любитъ все живое въ мірѣ, которая «не ищетъ ничего своего», которая ничего не требуетъ, а все даетъ, которая хочетъ только одного: быть сестрою и слугою, сотрудницей всего живого въ мірѣ.

И въ отвѣтъ на тѣ страницы книги «О жизни», которыя раскрыли передъ нимъ эту единственно истинную основу жизни, изъ глубины души Кросби зазвучалъ отвѣтный голосъ того истиннаго его «я», которое съ дѣтства подавлялъ въ немъ окружающій міръ и самъ онъ подавлялъ въ себѣ потомъ и которое было этой божеской любовью, было Богомъ въ немъ, вѣчнымъ началомъ его жизни.

Въ одномъ своемъ стихотвореніи въ прозѣ Кросби такъ говоритъ объ этомъ переломѣ *).

„Книга сказала: „люби другихъ, люби ихъ смиренно, сильно, глубоко.

*) „Опытъ“. Переводъ И. Горбунова-Посадова.

И ты найдешь свою безсмертную душу".

Я откинулся въ моемъ креслѣ, рука моя упала съ книгой на колѣни.

И сквозь закрывшіеся глаза и радостную улыбку на моемъ лицѣ я сдѣлалъ опытъ и попробовалъ любить.

Въ первый разъ я дѣйствительно далъ моей жизни отдаться любви, и ея могучее теченіе, хлынувшее во мнѣ и вокругъ меня, подняло меня, точно лишивъ меня тѣлесности, времени и пространства.

Я почувствовалъ вѣчное значеніе моей неразрушимой души въ областяхъ вѣчности.

Безсмертіе было мое.

Вопросъ, надъ которымъ такъ долго бились вѣрующіе и философы былъ разрѣшенъ".

Онъ нашелъ самого себя, настоящаго себя. И этотъ настоящій онъ, этотъ Богъ въ немъ, эта любовь была во всѣхъ людяхъ. И ему открылось необыкновенно ярко его единство со всѣми людьми, со всѣмъ міромъ жизни. Всѣ перегородки между нимъ и другими людьми были сломаны. Сквозь какъ бы разрушившіяся передъ его духовными очами физическія преграды онъ увидѣлъ во всѣхъ людяхъ свѣтъ, сіявшій теперь въ немъ самомъ. Но свѣтъ этотъ былъ задавленъ насиліемъ, обманомъ, слѣпотою, заблужденіями окружавшаго строя жизни и, не разгораясь, гасъ подъ ихъ тяжестью. Освободить людей изъ-подъ власти заблужденія, обмана и насилія, освободить свѣтъ истины въ нихъ и итти съ ними вмѣстѣ на борьбу со зломъ міра, зломъ эгоизма, поработившимъ человѣчество и породившимъ всѣ ужасы насилія, обмана, тираніи и лицемѣрія, — вотъ что стало теперь жизненнымъ идеаломъ для Кросби.

Эта задача не сразу встала передъ нимъ во всей своей силѣ.

Но одно, что охватило теперь все его существо, — это сознаніе того, что вся истина жизни, весь единственный прямой путь жизни—это любовь, и что смыслъ жизни весь только въ работѣ для нея, для ея воцаренія въ мірѣ.

Первый шагъ, который Кросби сдѣлалъ на новомъ пути, былъ отрицательный: онъ отказался быть судьею, отказался навсегда отъ профессіи судить и осуждать людей. «Онъ разсматривалъ теперь съ высшей точки зрѣнія порокъ и преступленіе, — пишетъ въ брошюрѣ, посвященной Кросби, В. Скоттъ:—онъ видѣлъ, что нѣтъ человѣка абсолютно праведнаго или грѣшнаго, нѣтъ вполнѣ злого или добраго. Во

всѣхъ есть доброе и злое. Всѣ мы, быть-можетъ, были бы преступны въ извѣстныхъ условіяхъ. Преступникъ—нашъ братъ».

Онъ не могъ не видѣть преступленія, но не могъ также не видѣть въ преступникѣ ту же божественную душу, которая была во всѣхъ людяхъ, и единственное, что онъ могъ дѣлать теперь, это не судить, не карать преступника, а пытаться помочь ему найти самого себя, найти въ себѣ того Бога, который извлекъ бы его изъ той пропасти, въ которую онъ палъ.

Отказавшись отъ службы, Кросби рѣшилъ вернуться на родину для того, чтобы отдаться тамъ новой работѣ жизни. Передъ нимъ открывался теперь новый путь, призывавшій его къ труду, но не къ властвованію, къ служенію, но не къ господству. Онъ сошелъ съ той живой пирамиды, гдѣ онъ стоялъ въ верхнихъ рядахъ на изнемогающихъ подъ ихъ тяжестью, подъ бременемъ ихъ насилія и эксплоатаціи, низшихъ, измученныхъ рядахъ. Онъ сталъ теперь братомъ всѣхъ людей.

Но прежде чѣмъ вернуться домой, Кросби рѣшилъ посѣтить того, кто вернулъ ему его самого, кто открылъ ему душу его собственной души, кто зажегъ маякъ, указавшій ему вѣрный путь среди глубинъ океана жизни.

О свиданіи Кросби съ Толстымъ въ Ясной Полянѣ мы имѣемъ страницу изъ воспоминаній самого Льва Николаевича, помѣщенную въ началѣ этой книги.

III.

Мы не знаемъ, писалъ ли до тѣхъ поръ Кросби литературныя произведенія. Мы знаемъ только, что новая работа его переродившейся души выразилась у него въ рядѣ совершенно оригинальныхъ, сильныхъ, глубокихъ произведеній, представлявшихъ изъ себя что-то въ родѣ стихотвореній въ прозѣ, свободно выливавшихся, не зная никакихъ рамокъ искусственнаго размѣра и риѳмы.

Кросби называлъ эти произведенія свои псалмами и притчами. Иногда они, дѣйствительно, напоминали по формѣ и содержанію своему псалмы и притчи, иногда же не имѣли на первый взглядъ съ ними ничего общаго.

Но самый духъ всѣхъ этихъ произведеній Кросби былъ тотъ

же духъ, который создалъ лучшія страницы Библіи,—духъ глубокой скорби о паденіи человѣчества, духъ могучаго, горькаго обличенія жизни народовъ, поправшихъ завѣты Бога, духъ пламенной вѣры въ высшій идеалъ, духъ вдохновеннаго пророчества о грядущемъ царствѣ истины.

Любовь, озарившая сердце Кросби, сдѣлала изъ него поэта-пророка нашихъ дней,—пророка, обличавшаго народъ, безостановочно славословящій на всѣхъ алтаряхъ жизни религію «Бюзнесса», а вѣчному Богу бросающій кубочекъ седьмого дня, посвящая его дремотѣ на церковной скамьѣ,—пророка, указывающаго людямъ Бога сквозь тучи фабричнаго дыма и бѣлыя облака паровъ, напоминающаго о Вѣчномъ среди мечущейся въ лихорадочномъ бреду жизни, гдѣ одному—12 часовъ биржи, другому—звонокъ экспресса, третьему—фабричный гудокъ, четвертому—барабанный бой не даютъ вспомнить о заповѣдяхъ Бога,—пророка, пророчествующаго о братствѣ среди стука поработившихъ человѣка машинъ, среди свиста пуль и грохота пушекъ, среди братоубійственной борьбы за существованіе, въ шумѣ и стонахъ которой человѣкъ не слышитъ голоса своей души.

Стихотворенія Кросби будятъ въ человѣкѣ этотъ голосъ его собственной души. Они стремятся пробудить въ человѣкѣ, какъ говорится въ одномъ изъ его стихотвореній:

«Сознанье своего небеснорожденнаго «я», новаго себя, любящаго и любимаго, найденнаго вновь въ вѣчномъ братствѣ всего человѣчества, въ радостной полнотѣ торжествующей, освобожденной отъ оковъ, безсмертной, всемогущей любви».

Вызвать въ человѣкѣ сознаніе его божественнаго достоинства,—въ этомъ главная задача поэзіи Кросби.

Богъ создалъ человѣка по своему подобію, но что сталось съ нимъ?!..

«Этотъ идеалъ человѣка разбился, растерялся въ человѣчествѣ,—говоритъ поэтъ,—онъ разбился въ герояхъ, мученикахъ мудрецахъ, поэтахъ, ремесленникахъ, писцахъ, морякахъ, солдатахъ, преступникахъ, каторжникахъ».

«Надо собрать разсѣянныя части истиннаго человѣка» и «возсоздать его» въ людяхъ.

«Нѣтъ человѣка, въ которомъ не было бы черты» этого высшаго идеала человѣка. «Всѣ несутъ частицу его въ душѣ. Всѣ равны передъ нимъ». «Нѣтъ ноты высокой или низкой въ скалѣ человѣческаго бытія».

«Мы должны работать надъ возстановленіемъ этого дивнаго созданія». «Отецъ работаетъ вновь и вновь», и мы должны работать.

«Мы должны быть Его сознательными сотрудниками въ возсозданіи человѣка по Его подобію».

И. Кросби призываетъ всѣхъ, преданныхъ дѣлу истины, соединиться для творческой борьбы съ силами зла, препятствующими возрожденію человѣчества.

Огнемъ своихъ дышащихъ пламенной любовью и негодованіемъ строфъ онъ борется самъ въ авангардѣ такихъ борцовъ съ насиліемъ и обманомъ, заглушающими сознаніе высшаго призванія человѣка въ мірѣ въ несчастныхъ, и съ эгоизмомъ, заглушающимъ голосъ Бога въ счастливцахъ міра сего.

Онъ показываетъ намъ тьму, въ которую ввергъ человѣчество посредствомъ своего насилія и обмана правящій міромъ эгоизмъ,

«Учащій сыновъ человѣческихъ, какъ надо убивать людей, своихъ братьевъ,

«Строящій могучія орудія, чтобы наполнить міръ кровью и всякими ужасами,

«Снаряжающій огромные корабли, посылающіе другіе корабли со всѣми, кто на ихъ берегу, на дно океана»...

Эгоизмъ сдѣлавшій то, что

«Нѣтъ лоскутка земли, гдѣ бы бѣднякъ могъ работать или прилечь отдохнуть, или гдѣ жена его можетъ родить, или гдѣ бы бѣднякъ могъ схоронить своего покойника, не заплативъ за это изъ своего жалкимъ трудомъ добытаго заработка дани ему», этому поработившему его, отнявшему у него землю и все, эгоизму.

Онъ показываетъ намъ бездну горя и страданія обездоленнаго эгоизмомъ народа не въ лѣсныхъ африканскихъ дебряхъ, ограбленнаго какимъ-нибудь обезумѣвшимъ отъ крови Бенгазиномъ, а въ такъ называемомъ центрѣ цивилизаціи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ университетовъ Нью-Йорка, въ средоточіи американскаго богатства и могущества, за блестящей декораціей котораго слышенъ скрежетъ зубовный существъ, раздавленныхъ побѣдоноснымъ шествіемъ эгоизма.

„Войдемте со мной,—говоритъ поэтъ *), — въ эти улицы, подобныя гееннѣ огненной!—Горячіе камни мостовой горятъ подъ вашею ногой.

*) Стихотвореніе „Нью-Йоркъ при 99⁰ въ тѣни". Переводъ И. Горбунова-Посадова.

Вдохните этотъ мертвенно-смрадный воздухъ, вдохните эти вонючія человѣческія испаренія, медленное теченіе которыхъ вызываетъ рвоту.

Ужъ ночь. Солнце давно сѣло,
Но кажется, что до сихъ поръ его лучи вздуваютъ здѣсь вашу кожу пузырями.
Пробивайте дорогу сквозь толпы людей, задыхающихся отъ жары
Когда вы идете, къ вамъ оборачиваются потныя, блѣдныя лица
Множества людей, которые работали весь день.
Дѣти визжатъ въ грязи,—это вся ихъ игра.
Истомленныя горемъ женщины, съ младенцами у груди, сидятъ на порогахъ проходовъ въ дома, грязныя, полуодѣтыя.
Всѣ, какъ одна...
Ночь проходитъ въ неперестающемъ шумѣ...
Скоро должна начаться работа новаго дня...
Да, того, что здѣсь есть, довольно, чтобы привести въ отчаяніе самого ангела!
Войдите въ эту дыру трущобы, поднимитесь по лѣстницамъ пяти этажей,
Вползите въ логовище съ норами бѣдняковъ,
Гдѣ задыхается жизнь, лишенная солнца,
Гдѣ ящики безъ оконъ, въ которыхъ люди пытаются спать,
Полны кишащихъ насѣкомыхъ,
Гдѣ между здоровыми томятся горящіе въ жару лихорадки. И здѣсь они должны умереть,
Набитые биткомъ, какъ свиньи въ хлѣву!
Въ одной тѣсной трущобѣ, лѣпящей этажъ за этажомъ этихъ берлогъ, задыхается цѣлая сотня и больше людей.
Въ крышѣ видны два прорубленныя отверстія, показывающія засыпающимъ подъ нею мрачное небо...
Будемъ же гордиться этимъ городомъ, который мы создали,
Послѣ дня въ 99 градусовъ въ тѣни!“

Послѣдуемъ теперь за поэтомъ къ счастливцамъ міра сего

„Послѣдуйте за мною теперь въ улицы Парка.
Дворцы и отели возвышаются во мракѣ.
Окна закрыты; всѣ бѣжали.
Кажется, что это городъ смерти.
Они отправились въ горы или къ озерамъ, путешествовать по Европѣ, на мѣсяцъ, три или четыре.
Оттого-то они оставили въ жарѣ и мракѣ
Эти обезжизнѣвшіе, какъ могилы, дома.
Войдемъ,—у меня есть отмычка,—войдемъ туда и проскользнемъ,
Какъ призраки, черезъ залы, гдѣ кипѣла жизнь.

Бросимъ взглядъ на стѣны,
На покрывающіе ихъ покровы, точно покровы покойниковъ.
Вотъ стоятъ мягчайшія, манящія къ себѣ постели,—
Роскошь, нечестиво бременящая землю
Тамъ, гдѣ задыхаются отверженцы трущобъ!"

„Счастливцы бѣгутъ
Мили за милями прочь отъ своихъ домовъ,
Запертыхъ и загороженныхъ съ юга до сѣвера...
Дѣти же отверженцевъ должны какъ мухи гибнуть въ страшной жарѣ...
Какъ можемъ мы осквернить ими благородную улицу!"

„Будемъ же гордиться
Городомъ, который мы создали,
Послѣ дня въ 99 градусовъ въ тѣни..."

И негодующій, страстный вопль вырывается въ концѣ этихъ строфъ:

„Слышишь слова хора дьяволовъ:
„Содомъ, Гоморра, Сіонъ и Тиръ
Ждутъ Нью-Йоркъ въ глубинахъ адскаго огня".

Въ этомъ мірѣ люди, слѣпые къ истинѣ, «которая сдѣлаетъ всѣхъ свободными», всѣ рабы: рабы и тѣ, которыхъ ослѣпили, и тѣ, которые ослѣпляютъ. Одни — несчастные рабы насилія и обмана, другіе—жалкіе рабы своего тѣла, своего тщеславія, своего комфорта...

Кросби такъ говоритъ объ этихъ другихъ въ «Morituri salutamus» *):

„Обычай! мы рабы твои и невольники, разодѣтые въ шелковыя, изящныя одежды, галстуки, золотыя цѣпи и кольца, патентованные сапоги, котелки, разукрашенныя жертвы самоотреченія, съ цвѣтами въ петлицѣ.

Ты заставляешь насъ ходить и скакать туда и сюда. Ты заставляешь насъ такъ-то жить и такъ-то ѣсть.

Ты велишь намъ бѣжать прочь отъ хлѣбныхъ полей, рынка, мастерской, гдѣ настоящая человѣческая жизнь! Ты велишь намъ жить по тысячѣ твоихъ законовъ.

Мы не смѣемъ измѣнить покрой сапогъ и пальто...

---

*) Переводъ И. Горбунова-Посадова.

Мы живемъ, сторожимые деспотическими швейцарами, слугами и горничными, задыхаясь въ нашихъ гостиныхъ между фарфорами, качалками, золотыми рамами, съ больными нервами и разстроеннымъ пищевареніемъ.

Привѣтствуемъ тебя, обычай! Умирающіе... нѣтъ, мы уже умерли. Мы мертвые въ этихъ великолѣпныхъ залахъ. Мы только безжизненныя картины жизни, висящія на ихъ стѣнахъ. Мы муміи, съ закованными руками и ногами. Мы хотимъ подняться, но не можемъ. Мы хотимъ пошевелить губами, но слова замираютъ. Смерть, смерть, смерть!

И вотъ откуда-то врывается струя горняго воздуха, и голосъ говоритъ намъ: „Лазарь, изыди!“

Обращаясь къ этимъ живымъ мертвецамъ, поэтъ говоритъ*):

I.

„На васъ работаетъ теперь полміра:

Китаецъ несетъ для васъ тяжелый трудъ, собирая чай или работая по поясъ въ водѣ на рисовомъ полѣ.

Негры и фелахи нильской долины готовятъ для васъ хлопокъ подъ нестерпимо палящимъ солнцемъ.

Рабочіе—мужчины и женщины, молодыя дѣвушки и маленькія дѣти—дома и за границей ведутъ благодаря вамъ безрадостную жизнь среди машинъ.

Для васъ несутъ на поляхъ тяжелый, въ потѣ лица, трудъ голодные крестьяне, трудъ отъ зари и до зари.

У васъ есть теперь работы всюду, во всѣхъ странахъ, несущія всякія страданія, всякое униженіе,—и все это для васъ.

Что же вы дѣлаете для нихъ?

II.

Вы не можете освободиться отъ вашего великаго долга предъ ними посредствомъ денегъ.

Посредствомъ денегъ вы можете лишь переложить свой долгъ на плечи другихъ.

А у этихъ уже есть свои обязанности, которыя останутся неисполненными, если они возьмутъ на себя ваши обязанности.

Вы можете расплатиться лишь своимъ трудомъ, и лишь серьезнымъ настоящимъ трудомъ.

Что же говоритъ ваша счетная книга?

Не говорятъ ли итоги безнадежно противъ васъ?

Если это такъ, признайте себя несостоятельнымъ должникомъ, не лгите себѣ, начните жизнь снова.

---

*) „Итоги“, переводъ И. Ф. Наживина.

Стараясь отнынѣ больше давать, чѣмъ брать, и больше служить, чѣмъ принимать услуги.

Такъ же, какъ Сынъ человѣческій, который приходилъ не для того, чтобы Ему служили, а для того, чтобы Самому служить другимъ".

Кросби вѣритъ, что близокъ часъ, когда эти живые мертвецы оживутъ...

Но пока голосъ Бога любви безмолвствуетъ въ ихъ душѣ. И ради своего эгоизма, корысти и тщеславія эти рабы своего маммона готовы, кажется, сковать весь міръ и утопить въ братской человѣческой крови всѣ народы...

Одну изъ страницъ безконечной исторіи человѣческаго кроваваго жертвоприношенія ради обогащенія капиталистовъ Британіи рисуетъ Кросби намъ въ замѣчательномъ стихотвореніи своемъ «Битва при Атбарѣ» *).

„Побѣда англичанъ въ Суданѣ.

Врагъ держался упорно и былъ весь переколотъ въ траншеяхъ.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе прекрасное, чѣмъ поведеніе нашихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ".

Очень трудно, разумѣется!

Бѣлые „христіанскіе" солдаты за три тысячи миль отъ дома, нанятые бѣлыми „христіанскими" капиталистами, перекололи за плату черныхъ магометанъ, защищавшихъ родную страну!

Великій Боже! Неужели нельзя надѣяться, что придетъ наконецъ день, когда всякій здравый человѣкъ содрогнется при мысли всадить штыкъ въ своего ближняго, какъ теперь онъ содрогается при мысли подвергнуть мученію ребенка?

Съ жалостью, презрѣніемъ и отвращеніемъ глядимъ мы назадъ, въ прошлое, полное орудій пытки и костровъ,—мы, сами погруженные въ глубокій мракъ!

Эти мусульмане-дервиши, защищавшіе свой домъ,—въ десять разъ лучшіе люди, чѣмъ эти „христіанскіе" лицемѣры, старающіеся украсить свои омерзительныя бойни... торжественными панихидами и всякой другой безстыдной ложью и богохульствомъ!.."

Такихъ страницъ противъ братоубійства, противъ насилія, — однихъ изъ лучшихъ, какія когда-либо создавала всемірная литература, — мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ среди произведеній Кросби.

Кросби—весь горящій протестъ противъ насилія.

Ничто не можетъ поколебать въ немъ его ненависти къ насилію ради чего бы то ни было.

---

*) Переводъ И. Ф. Наживина.

Въ то время, когда умнѣйшіе люди его страны были охвачены патріотическимъ безуміемъ въ дни побѣдоносной войны сѣверо-американцевъ съ испанцами, Кросби выпускаетъ, наперекоръ всѣмъ теченіямъ, свою книжку «Отзвуки войны», въ которой со всей силой своего таланта и ума обличаетъ свой народъ въ тягчайшемъ преступленіи противъ человѣчности.

Въ то время, когда Соединенные Штаты торжествуютъ величайшую изъ своихъ побѣдъ надъ Испаніей, Кросби бросаетъ въ опьяненное лицо своего народа такія удивительныя по своей силѣ строфы *).

„Столица ликуетъ", говорятъ газеты, „непріятельскій флотъ уничтоженъ".

Матери въ восхищеніи, потому что другія матери потеряли своихъ сыновей, совершенно такихъ же, какъ и ихъ сыновья.

Вдовы, дѣвушки улыбаются при мысли о новыхъ вдовахъ и сиротахъ.

Мужчины исполнены радости, потому что другіе мужчины зарѣзаны или въ ужасныхъ мукахъ погибли въ огнѣ горящихъ кораблей.

Маленькіе мальчуганы сходятъ съ ума отъ восторга и гордости, воображая, какъ они вонзаютъ сталь въ мягкое тѣло человѣка и сжигаютъ и разоряютъ дома, точно такіе же, какъ и тѣ, въ которыхъ они живутъ.

А та, другая, столица погружена въ печаль и униженіе, и въ этомъто и есть вся радость, нашъ тріумфъ.

Какъ могли бы мы торжествовать, если бы не было ближняго, надъ которымъ торжествуемъ?

Вчера мы рѣзались съ нимъ и ненавидѣли его.

Сегодня же мы попираемъ ногами его лицо и презираемъ его.

Вотъ это жизнь! Это патріотизмъ! Это наслажденіе!

Но кто же мы: люди или дьяволы? А наша „христіанская" столица—что же это какъ не преддверіе ада?!"

Изъ этого ада Кросби зоветъ свой народъ къ царству всемірнаго братства въ дивныхъ строфахъ, которыя могъ создать лишь поэтъ-христіанинъ, лишь человѣкъ, который любитъ народъ, среди котораго выросъ, какъ и всѣ народы, той величайшею божескою любовью, которую такъ презираютъ тѣ, кто, стуча по груди, вопя о любви къ своей родинѣ, во имя ея призываютъ проклятія и кровь на голову другихъ націй и племенъ.

---

*) „Побѣда". Переводъ И. Ф. Наживина.

I *).

Американцы, вы были когда-то свободны,
Свободны въ широкихъ преріяхъ и въ глубинѣ
лѣсовъ.
Вашей революціей вы освободили міръ.
Вашъ примѣръ освободилъ Францію,
И Франція воспламенила Европу.
Безъ батальоновъ солдатъ вы были въ авангардѣ
народовъ,
Безъ оружія вы были непобѣдимы,
Безъ крѣпостей вы были неуязвимы.
Вашей силой была ваша свобода!

II.

Времена мѣняются, и свобода мѣняется съ ними.

Свобода должна нарождаться съ каждымъ вѣкомъ вновь и вновь.

Политическая свобода 1866 года, равенство передъ закономъ, о которомъ вы говорите такъ много, — это больше уже не тотъ живой идеалъ, какимъ они были для васъ.

Это только ископаемое, годное лишь для того, чтобы имъ забавлялись собиратели рѣдкостей.

Что жъ, вамъ хочется все же играть въ нихъ?

Не думаете ли вы руководить вновь міромъ силою арміи и флотовъ, обороной береговъ?

Не такъ управляется міръ.

Раздвигайте ваши предѣлы.

Хватайте Кубу, Гаваи, обольщайте Канаду, захватывайте великое южное полушаріе съ одного конца до другого.

Но хотятъ ли эти страны быть вашими?

Тамъ есть одно, чѣмъ вы не можете овладѣть, — это сердца людей.

И эти сердца никогда не могутъ быть завоеваны націей рабовъ.

Станьте свободными, и все человѣчество захочетъ собраться къ вашимъ знаменамъ!

III.

Когда вы говорите о свободѣ, развѣ вы не чувствуете цѣпей, которыя звенятъ на вашихъ ногахъ?

Довольно сдѣлокъ съ совѣстью!

Золотой кумиръ долженъ быть свергнутъ съ его нечестиваго трона.

Наконецъ, вы возстали! „Гдѣ угнетатель!“—кричите вы.

Вы не найдете его на улицахъ.

---

*) „Новая свобода“. Переводъ И. Горбунова-Посадова.

Ищите его въ вашихъ собственныхъ душахъ, потому что царство дьявола въ васъ:

Въ васъ царствуетъ жажда золота,

Въ васъ то, во имя чего вы попираете ближняго!

Здѣсь и должно начаться ваше освобожденіе, ваша революція.

Сдѣлайте прежде всего себя свободными.

Долой узурпатора! утвердите, воцарите на его мѣстѣ новый идеалъ—равную для всѣхъ свободу, любовь ко всему человѣчеству, единеніе святое и неразрывное.

Да! Ищите прежде всего царства небеснаго, и все остальное приложится вамъ!

Но предъ лицомъ торжествующаго пока зла съ вѣрою въ побѣду свѣта въ душѣ поэта борется порою отчаяніе.

Мучительныя строфы вырываются изъ его души при видѣ непрерывно совершающагося всенароднаго поруганія того ученія любви, которое стало сущностью всей жизни Кросби.

«Это міръ безумія!» — горько повторяетъ онъ, описывая строфа за строфою разнообразныя формы попранія ученія Христа подъ видомъ прославленія его въ нашемъ мірѣ.

«Это міръ безумія», — повторяетъ онъ въ началѣ каждой строфы.

Въ концѣ же каждой, описывая, какъ почтеннѣйшіе люди страны, дѣлая видъ, что собрались во имя Христово, совершаютъ ужаснѣйшее надъ нимъ кощунство, поэтъ говоритъ, что во время этой церемоніи гнуснаго лицемѣрія

«Никто не смѣется... только дьяволъ...»

И это «только дьяволъ...» страшнымъ, раздирающимъ эхо повторяется въ концѣ каждой строфы и долго звучитъ въ вашей душѣ, когда вы закрываете страницу съ этимъ стихотвореніемъ...

Но минуты унынія смѣняются переполняющей поэта безконечной вѣрой въ человѣка и человѣчество, въ близость грядущаго царства истины, царства любви.

«Да будетъ свѣтъ!»—эти слова, которыми озаглавлено помѣщенное дальше стихотвореніе, могутъ быть девизомъ всей поэзіи Кросби.

«Да будетъ свѣтъ!»—онъ побѣдитъ, если мы напряжемъ всѣ силы для его торжества.

«...Мы непреодолимы»,—говоритъ Кросби *).

---

*) „Да будетъ свѣтъ!“ Переводъ Л. Н. Толстого.

„...Мы непреодолимы.

Безконечныя силы природы дѣйствуютъ черезъ насъ.

Узкое прошедшее черезъ насъ разливается въ широкое будущее.

Если мы только стремимся быть впереди воли Божьей,—Богъ дѣйствуетъ черезъ насъ.

Кто же имѣетъ болѣе права, чѣмъ мы, на то, чтобы преобразовать міръ?

Но мы не поднимемъ пальца противъ вашихъ старинныхъ учрежденій.

Мы не поднимемъ пальца и будемъ убѣждать другихъ, чтобы они убрали свое оружіе.

Мы назначаемъ саблю и ружье на ту полку музея, гдѣ лежатъ орудія пытки.

И мы знаемъ, что скоро и полицейское устройство и выборный ящикъ послѣдуютъ за ними.

Вы бы могли побѣдить насъ, если бы мы опирались на вооруженные баталіоны или на большинство.

Но мы знаемъ, какъ бороться съ совами и летучими мышами общественныхъ суевѣрій.

Мы не употребляемъ оружія.

Тотъ, кто подниметъ мечъ, отъ меча же и погибнетъ.

Мы обращаемся только къ свѣту истины, и всѣ враги, ослѣпивъ, бѣгутъ передъ нами.

Мы зажигаемъ огонь любви, и всѣ будутъ сожжены имъ.

Скоро исчезнетъ ложная честность, которая живетъ на трудѣ другихъ.

Исчезнетъ ложная власть, которая опирается на насиліе.

Исчезнетъ ложная почтенность, которая поддерживается привилегіями.

Исчезнетъ ложное богатство, которое извлекается изъ бѣдности ближнихъ.

Исчезнетъ ложная религія, которая покрываетъ всѣ эти обманы своимъ изношеннымъ плащомъ лицемѣрія.

Ночи прошло уже много, и день близокъ.

Ночныя птицы и животныя уже прячутся въ темные углы.

Скоро поднимется солнце правды, неся исцѣленіе на своихъ крылахъ.

Благодаримъ Бога, что хоть черезъ насъ его лучи, хотя и смутно, отражаются“.

IV.

Мы набросали здѣсь всего нѣсколько штриховъ изображенія сущности поэзіи Кросби, надѣясь когда-нибудь вернуться къ болѣе основательной и детальной ея характеристикѣ. Но и сказаннаго, а главное—приведенныхъ цитатъ изъ его произ-

веденій довольно, я полагаю, чтобы представить себѣ въ достаточной степени духъ и силу его творчества.

Кросби рѣзко выдѣляется среди современныхъ поэтовъ тѣмъ, что для него литература совершенно не цѣль сама по себѣ. Задача его—служеніе истинѣ, служеніе любви и свободѣ.

Вся литературная его дѣятельность есть религіозное служеніе истинѣ. Глубоко религіозный духъ, въ истинномъ смыслѣ слова, проникаетъ ее. «Я рисую,—говоритъ онъ,—но мою кисть двигаетъ сила, которая правитъ мною».

Онъ заботится гораздо больше о содержаніи своихъ стиховъ, чѣмъ объ ихъ формѣ. И еще больше, чѣмъ о содержаніи стиховъ, онъ заботится о воплощеніи выраженныхъ въ нихъ идей въ жизни.

«Слова,—говоритъ онъ,—это только выписки, только примѣчанія къ жизни».

Цѣль его «жизнь для истины».

Тѣ, кого поставили на высокую гору передъ всѣмъ міромъ, низко опускаются въ его глазахъ, если ихъ мысль, ихъ дѣло, ихъ орудіе, ихъ слово не служатъ истинѣ. Онъ развѣнчиваетъ самого полубога англосаксовъ Шекспира, найдя и показывая, какъ презиралъ и третировалъ Шекспиръ въ своихъ твореніяхъ рабочіе классы, то-есть самыя почтенныя, самыя полезныя, достойныя наибольшаго уваженія $^{90}/_{100}$ человѣчества.

Увлекая въ грядущее царство истины, Кросби работаетъ всѣми фибрами своей жизни для возможнаго осуществленія ся въ окружающемъ его настоящемъ.

По вступленіи его, послѣ отъѣзда его изъ Александріи и посѣщенія Льва Толстого, на землю его родины, вся его дѣятельность становится сплошной работой и борьбой для возрожденія жизни его народа.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Америку Кросби основываетъ «Лигу соціальныхъ реформъ», объединяющую людей разныхъ классовъ и положеній, для обсужденія вопросовъ общественнаго возрожденія и для работы надъ творческими и практическими общественными реформами.

Онъ глубоко, жизненно входитъ во все, могущее улучшить жизнь трудящихся народныхъ массъ. «Онъ вѣрилъ въ рабочіе профессіональные союзы,—говоритъ впослѣдствіи у его могилы одинъ изъ представителей американскихъ тредъ-юніоновъ.—Когда онъ былъ президентомъ лиги соціальныхъ

реформъ, рабочіе члены лиги находили въ немъ искренняго защитника правъ человѣка въ великомъ движеніи объединеннаго труда».

Свято исполняя завѣтъ Толстого и самъ всею душою отдавшійся борьбѣ за правильное рѣшеніе самаго основного экономическаго и соціальнаго вопроса—земельнаго—въ интересахъ всего народа, Кросби принимаетъ самое горячее участіе въ дѣятельности обществъ и кружковъ, основавшихся для распространенія идей Генри Джорджа и для проведенія въ практическую жизнь его идей земельной реформы.

Сойдясь съ Генри Джорджемъ предъ концомъ его жизни, Кросби до конца своихъ дней сохраняетъ глубокую преданность его ученію.

Кросби дѣйствуетъ въ рядахъ джорджистовъ какъ лекторъ, агитаторъ и писатель. Нѣсколько лучшихъ его «псалмовъ» посвящены ужасамъ великой общественной земельной несправедливости, призыву къ ея прекращенію, указанію человѣчеству выхода изъ нея.

Онъ составилъ еще календарь «Земля для всѣхъ», содержащій въ себѣ мысли, стихотворенія и разныя цитаты о земельномъ вопросѣ и о разрѣшеніи его, собранныя изъ сочиненій мыслителей и поэтовъ разныхъ временъ и народовъ.

Протестуя противъ земельной монополіи, Кросби протестуетъ противъ привилегіи всѣхъ родовъ.

Борясь противъ земельной несправедливости, Кросби борется противъ всѣхъ великихъ несправедливостей его времени.

Когда въ Америкѣ начинается имперіалистское движеніе, стремящееся создать изъ страны свободы, подобно европейскимъ государствамъ, поработительницу болѣе свободныхъ народовъ, отчасти ради національнаго тщеславія, а всего болѣе ради преступнаго обогащенія нѣсколькихъ американскихъ милліардеровъ, Кросби является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ и организаторовъ антиимперіалистскихъ лигъ, борющихся противъ имперіализма во имя свободы и братства всѣхъ народовъ.

Среди начавшагося движенія противъ иммигрантовъ, требующаго во имя охраны Штатовъ отъ иностранной конкуренціи—закрытія Штатовъ отъ голодающаго у себя на родинѣ пролетаріата другихъ странъ, Кросби работаетъ въ обществахъ помощи эмигрантамъ, оказывая этимъ отверженцамъ родныхъ

ихъ странъ помощь и поддержку во имя все того же братства, которое должно соединить всѣхъ людей и всѣ народы.

Кросби не ограничивается тѣмъ, что рисуетъ въ своихъ псалмахъ, для того, чтобы потрясти спящую душу общества, картины страданій паріевъ шумящей и кичащейся цивилизаціи, паріевъ, создающихъ всѣ ея богатства и умирающихъ съ голоду на ея задворкахъ. Онъ проникаетъ, какъ другъ и братъ, въ ихъ трущобы, принимая самое горячее участіе въ движеніи интеллигентныхъ и товарищескихъ сетлементовъ — поселеній въ бѣдныхъ кварталахъ Нью-Йорка, стремящихся создать для обитателей трущобъ товарищескую, человѣчную обстановку, гдѣ бы они могли свободно вздохнуть и воспрянуть душой и получить доступъ къ свѣту сокровищъ человѣческаго духа, къ богатствамъ знаній и искусствъ, скрытыхъ отъ нихъ ихъ горькой судьбой.

Работая для возрожденія всей жизни человѣчества, Кросби не забываетъ заботиться о чистыхъ, спокойныхъ площадкахъ съ зеленью, гдѣ бы дѣти бѣдноты могли спокойно играть и рѣзвиться, вдыхая чистый, неотравленный воздухъ среди шума, грязи, копоти и вони ихъ кварталовъ.

Одна изъ основныхъ чертъ духа Кросби—это его глубокая терпимость, широта его.

Для него нѣтъ «эллина и іудея», для него нѣтъ сектъ и партій. Онъ беретъ лучшее вездѣ, гдѣ его находитъ. Ему, напримѣръ, симпатичны нѣкоторыя стороны соціализма—и онъ сотрудничаетъ въ соціалистическихъ журналахъ и насчитываетъ многихъ соціалистовъ въ числѣ своихъ друзей. Онъ цѣнитъ широкіе идеалы такихъ соціалистовъ, какъ Вилльямъ Моррисъ, но, выше всего ставя принципъ свободы, онъ не любитъ догматизма большинства соціалистовъ, который онъ сравниваетъ съ холодными кальвинистскими желѣзными догматами предопредѣленія. Онъ отвергаетъ матеріалистическую концепцію исторіи, говорящую, что экономическія условія суть вседовлѣющіе факторы въ развитіи человѣчества. Кросби считаетъ, что прогрессъ исходитъ изъ внутренняго закона развитія человѣка никакъ не менѣе, чѣмъ изъ экономической необходимости.

Онъ глубоко интересуется ученіями анархизма и симпатизируетъ многому въ нихъ, но рѣзко отдѣляется отъ анархистовъ тѣмъ, что его освободительныя идеи основываются не на насиліи, а на любви, на кротости. Онъ считаетъ всякое

насиліе во имя чего бы то ни было величайшимъ врагомъ свободы и братства. Онъ является однимъ изъ пламеннѣйшихъ и послѣдовательнѣйшихъ апостоловъ непротивленія злу насиліемъ.

Будучи строго послѣдовательнымъ «непротивленцемъ», онъ переноситъ священный для него принципъ совершеннаго отрицанія насилія на всѣ живыя существа въ мірѣ. Ставъ убѣжденнымъ вегетаріанцемъ, онъ не позволяетъ убить передъ нимъ никакое животное. Онъ говоритъ: «Не можетъ быть никакого оправданія окружающему насъ ужасу мясничества».

Вотъ почему Скоттъ такъ вѣрно называетъ его «братомъ всѣхъ жизней».

Отрицая всякое насиліе въ воспитаніи и образованіи, Кросби горячо сочувствуетъ идеямъ свободнаго воспитанія. Онъ исключаетъ всякое принужденіе и наказаніе въ воспитаніи. Онъ глубоко интересуется попытками опытной школы, которая основывается исключительно на принципахъ любви и убѣжденія и пропагандируетъ идеи свободнаго воспитанія въ прекрасной книгѣ своей «Толстой какъ школьный учитель».

Кросби работаетъ неустанно. Онъ ѣздитъ по разнымъ городамъ Соединенныхъ Штатовъ, проповѣдуя въ этой странѣ, воображающей себя христіанской, истинное ученіе Христа, совершенно забытое сотнями американскихъ «христіанскихъ» исповѣданій,

Борясь за новые идеалы, онъ испытываетъ участь всѣхъ, прокладывающихъ новые пути. Прекрасный лекторъ, онъ имѣетъ иногда большой успѣхъ. Иногда же онъ говоритъ передъ пустымъ заломъ. Иногда его освистываютъ и осыпаютъ бранью.

Онъ знаетъ всю радость и всю горечь борьбы за новую истину.

Среди огромныхъ американскихъ газетныхъ броненосцевъ онъ издаетъ свой маленькій мирно-боевой листокъ «Whims», и въ то время, когда огромные американскіе газетные броненосцы съ милліонными бюджетами полощутся на мѣстѣ въ грязной лужѣ грязной рекламы, грязной политики, аферъ, скандаловъ, убійствъ и мошенничествъ, его маленькая ладья «Whims» смѣло несется, не страшась грозныхъ бурь и подводныхъ скалъ, въ открытое море грядущаго, къ берегамъ новаго міра.

Вся жизнь Кросби, послѣ духовнаго его переворота, есть стремленіе къ этому новому міру.

«Міръ не удовлетворяетъ меня больше,—говоритъ онъ,—и я немедля сталъ за работу въ мастерской моей души для новаго неба и новой земли».

Вся литературная дѣятельность его есть стремленіе увлечь всѣхъ къ созданію новой жизни на землѣ, стремленіе одушевить всѣхъ духомъ творчества, прекрасно выраженнымъ въ слѣдующихъ строфахъ его «псалмовъ»:

«Мнѣ наскучило быть создаваемымъ. Я хочу быть создателемъ».

«Мнѣ надоѣло приспособляться къ окружающему. Я хочу пересоздать окружающее по моей собственной волѣ».

«Ты сдѣлала меня такимъ, какимъ я есть,—обращается поэтъ къ своей родинѣ:—теперь мой чередъ сдѣлать тебя такой, какой я бы хотѣлъ, чтобы ты была».

«Благороднѣйшая задача въ мірѣ—это пересоздать душу народа».

V.

Смерть вырываетъ Кросби въ самомъ разгарѣ его работы. Онъ быстро умираетъ отъ крупознаго воспаленія легкихъ, 50 лѣтъ, во всей полнотѣ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ.

Вѣроятно, онъ встрѣчаетъ смерть съ тою твердостью души, съ какою всегда встрѣчаютъ ее люди, вѣрящіе въ безконечную жизнь духа, видящіе въ смерти лишь моментъ перехода въ новую форму жизни.

У гроба его собираются его друзья и почитатели всевозможныхъ положеній, направленій и національностей. Священники и свободные мыслители, представители интеллигентныхъ профессій и чернорабочіе, вѣрующіе и матеріалисты, соціалъ-демократы и анархисты, американцы, англичане, ирландцы, нѣмцы, евреи, итальянцы дружески окружаютъ могилу этого представителя будущаго человѣчества, которое разобьетъ всѣ перегородки націй, классовъ, вѣръ, партій, профессій между людьми, соединивъ всѣхъ въ то одно великое братство, которое было цѣлью всѣхъ стремленій покойнаго.

«Всѣ знавшіе его и читавшіе его прекрасныя поэтическія и религіозныя произведенія не могутъ не чувствовать глубокой печали отъ утраты столь одухотвореннаго звена между миролюбивыми стремленіями двухъ великихъ народовъ,—говоритъ А. Н. Коншинъ въ концѣ своей статьи объ американскихъ сетльментахъ, вспоминая о тяжкой утратѣ, понесенной сетльмен-

скимъ движеніемъ Америки въ лицѣ Э. Кросби. Намъ остается только расширить еще слова А. Н. Коншина, сказавъ, что Кросби былъ одухотворенное звено между всѣми народами, которыхъ онъ стремился объединить въ одинъ союзъ, который былъ бы свободнымъ союзомъ—

Однимъ только братствомъ сомкнутыхъ людей,
Въ которомъ нѣтъ мѣста границамъ и узамъ,
Въ которомъ народы тѣснѣй и тѣснѣй
Сливались бы въ мирной работѣ своей.

«Кросби былъ однимъ изъ великихъ людей нашего поколѣнія, — говоритъ одинъ изъ многихъ ораторовъ, выразившихъ у его гроба общую къ нему любовь.—Онъ былъ борецъ за истину какъ въ жизни, такъ и въ словѣ. Міръ потерялъ въ немъ одного изъ своихъ великихъ борцовъ за свободу, любившаго своихъ ближнихъ, всѣхъ людей, несмотря на ихъ расу и вѣру. Онъ жилъ для другихъ. Жить же для другихъ есть особенный даръ Божій».

VI.

Предлагаемая книга представляетъ собою трогательный памятникъ глубокой преданности Кросби идеямъ Толстого и глубокой любви его къ самому Толстому.

Книга эта не даетъ какого-нибудь полнаго обзора философскихъ, религіозныхъ и вообще реформаторскихъ произведеній Толстого, не подводитъ далеко всѣхъ итоговъ дѣятельности Толстого какъ искателя истины, мыслителя, борца и проповѣдника, что, впрочемъ, и не можетъ быть сдѣлано, пока великій мыслитель продолжаетъ среди насъ свое дѣло. Но зато книга эта превосходна, въ немногихъ, сжатыхъ словахъ, съ удивительной простотой, ясностью и проникновеннымъ чувствомъ выражаетъ самую святую святыхъ духа Толстого, выясняя тѣ основныя истины, которыя, объединивъ въ себѣ всю силу мысли, всю любовь Толстого, легли въ основу его міросозерцанія и, ставъ двигателемъ всего его труда, породили тѣ творенія его мысли, все значеніе которыхъ ясно будетъ видно только нашимъ потомкамъ, которымъ будетъ суждено собрать жатву, выросшую изъ посѣва Толстого и такихъ сотрудниковъ его, какъ Эрнестъ Кросби, въ человѣчествѣ.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Августъ 1908 г.

Толстой и его жизнепониманіе.

ГЛАВА I.

Отрочество и молодые годы.

Про Льва Толстого есть разсказъ, который можетъ быть вѣренъ или невѣренъ, но который ярко, во всякомъ случаѣ, характеризуетъ его личность и выставляетъ главныя особенности его духа.

Онъ былъ тогда студентомъ въ Казанскомъ университетѣ и провелъ всего нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ городѣ, когда его пригласили на балъ въ одну изъ подгородныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Былъ зимній, очень морозный вечеръ. Толстой выѣхалъ изъ города въ саняхъ съ крестьяниномъ кучеромъ. Молодой графъ провелъ ночь въ танцахъ, весельи, наслаждаясь вообще такъ, какъ всякій восемнадцатилѣтній юноша наслаждался бы на его мѣстѣ. Но выйдя изъ дому уже подъ утро, закутанный въ мѣховую шубу, онъ съ ужасомъ увидалъ своего возницу замерзшимъ до полусмерти. Только съ величайшими усиліями, послѣ долгаго растиранія и согрѣванія, кучеръ былъ приведенъ въ себя и жизнь его спасена.

Эта сцена глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ молодого студента и долго преслѣдовала его. „Почему же,—думалъ онъ,—я, молодой восемнадцатилѣтній дворянчикъ, который никогда никому не приносилъ пользы и, можетъ-быть, никогда и не принесетъ,—почему я имѣлъ право проводить ночь въ этомъ большомъ, роскошно убранномъ и тепло натопленномъ домѣ, истребляя въ видѣ винъ и лакомствъ цѣну многихъ дней человѣческаго труда, въ то время, какъ этотъ крестьянинъ-бѣднякъ,—представитель класса, воздвигающаго и согрѣвающаго наши дома и доставляющаго намъ пищу и питье,—долженъ проводить ночи на морозѣ?“

И съ вѣрнымъ инстинктомъ ясновидящаго Толстой понялъ, что это было не случайное явленіе, но изображеніе въ миніатюрѣ всей современной цивилизаціи, гдѣ одни классы сѣютъ и жнутъ, а другіе пользуются плодами ихъ жатвы.

Толстой настолько принялъ къ сердцу этотъ урокъ, что бросилъ свою университетскую карьеру, какъ излишнюю роскошь, и вернулся въ свое имѣніе, перешедшее къ нему въ руки вслѣдствіе ранней смерти его родителей, съ рѣшеніемъ посвятить свою жизнь крѣпостнымъ крестьянамъ, интересы которыхъ онъ считалъ ввѣренными ему.

Это драматическое происшествіе явилось первымъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни Толстого. Мы увидимъ, какъ вліяли на него въ разные моменты его жизни подобные случаи, въ то время, когда никакіе книги или аргументы не могли убѣдить его.

Имѣніе, гдѣ поселился Толстой, было то самое, въ которомъ онъ родился 28 августа 1828 г. и гдѣ онъ живетъ до сихъ поръ. Ясная Поляна находится въ 12-ти верстахъ отъ г. Тулы и около 200 верстъ отъ Москвы. Въ немъ Толстой провелъ большую часть своей жизни.

Онъ даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своемъ дѣтствѣ въ „Исповѣди"; дополнить же его картину мы легко можемъ по исторіи Николеньки въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности". Мы находимъ здѣсь яркое изображеніе тогдашней жизни въ русской усадьбѣ того времени, съ ея патріархальными обычаями, съ ея страннымъ смѣшеніемъ аристократичности и чопорности и демократической фамильярности, безшабашной распущенности и странныхъ, самыхъ затхлыхъ предразсудковъ. Мальчикъ воспитывается въ православной церковной вѣрѣ съ своимъ братомъ и сестрой подъ надзоромъ нѣмца-учителя, но мы видимъ, что онъ учится больше у простыхъ крестьянъ, у поля и у лѣса. Это — веселый, живой, чувствительно-отзывчивый мальчикъ, далеко не красивый. Смотрясь въ зеркало, онъ дѣлаетъ печальное для него открытіе, что въ его лицѣ нѣтъ ничего аристократическаго, что, напротивъ, оно въ полномъ смыслѣ слова самое простое, мужицкое лицо.

Толстой былъ еще мальчикомъ когда вся семья переѣхала

въ Москву. Когда Льву Николаевичу было 11 лѣтъ, одинъ гимназистъ, проводившій у нихъ воскресенья, сообщилъ дѣтямъ о послѣднемъ открытіи, сдѣланномъ гимназистами, а именно, что Бога нѣтъ и что все, что про Него учатъ,—все это выдумано.

„Помню, — говоритъ Толстой, — какъ старшіе братья заинтересовались новостью, позвали и меня на совѣтъ, и всѣ мы, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе какъ что-то очень занимательное и весьма возможное".

Такимъ образомъ, Толстой, едва вышедши изъ дѣтскаго возраста, уже обращается въ настоящаго нигилиста,—не бросателя бомбъ, конечно, но, какъ показываетъ самое названіе, въ человѣка, ни во что не вѣрящаго,—а послѣдующая исторія его жизни становится исторіей искренняго, духовно-одареннаго человѣка, искателя вѣры, могущей удовлетворить его душу.

Сначала онъ искренно желалъ сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, но не получилъ въ этомъ ни отъ кого поддержки. Его стремленія къ нравственной жизни встрѣчались насмѣшками, но за то, когда онъ давалъ волю своимъ дурнымъ страстямъ, онъ не встрѣчалъ ничего, кромѣ похвалъ и поощренія. „Моя тетушка—говоритъ онъ,—добрая тетушка моя, чистѣйшее существо, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиною: потому что ничто такъ не формируетъ молодого человѣка, какъ связь съ приличной женщиной".

Если Толстой оставилъ университетъ подъ впечатлѣніемъ раскрывшейся передъ нимъ драматической картины положенія рабочаго вопроса вообще, то въ Ясной Полянѣ онъ очутился лицомъ къ лицу съ тѣмъ же вопросомъ въ его простѣйшей и наиболѣе понятной формѣ, то-есть въ формѣ земельнаго вопроса.—Почему онъ, восемнадцатилѣтній мальчишка, владѣетъ сотнями десятинъ земли, которую Богъ далъ всѣмъ человѣческимъ сынамъ, въ то время, когда его крестьяне, которые обрабатываютъ эту землю и удобряютъ ее, не имѣютъ ничего? На этотъ вопросъ не было никакого разумнаго отвѣта, и хотя Толстой, можетъ-быть, въ то время

еще не задавалъ его себѣ въ такой формѣ, все-таки онъ скоро понялъ ничтожество всякой благотворительности, основанной на землевладѣніи.

Въ своемъ разсказѣ „Утро помѣщика", описывая результаты своего опыта быть помѣщикомъ, онъ показываетъ, какъ плохо понимались его намѣренія крестьянами и какъ трудно ему было сойтись съ ними. (Только черезъ 50 лѣтъ, продолжая исторію того же князя Нехлюдова въ своемъ романѣ „Воскресеніе", онъ даетъ истинное рѣшеніе земельнаго вопроса, заставляя своего героя принять простой способъ единаго налога съ цѣнности земель (single tax), пропагандируемаго Генри Джорджемъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачнаго опыта въ деревнѣ, Толстой прекратилъ его и поступилъ въ армію. Онъ служилъ въ артиллеріи, когда началась Крымская война, и перевелся въ Севастополь, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ защитѣ города. Здѣсь онъ былъ окруженъ тѣми драматическими сценами, къ которымъ такъ чутка была его душа. Сама война научила Толстого ненавидѣть войну; и его раннія произведенія, написанныя въ этотъ періодъ и дающія яркія изображенія военной жизни, если и не осуждаютъ прямо войну, то во всякомъ случаѣ всей силою своего реализма, своей правдивости развѣнчиваютъ ее.

Въ одномъ изъ своихъ „Севастопольскихъ разсказовъ" онъ какъ будто предсказываетъ свое позднѣйшее мнѣніе о войнѣ. Онъ описываетъ перемиріе по случаю погребенія убитыхъ послѣ вылазки:

„Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?"

По окончаніи войны передъ Толстымъ открылась литературная карьера. Онъ оставилъ военную службу и переселился въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ въ высшихъ лите-

ратурныхъ кругахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ велъ болѣе или менѣе разсѣянную жизнь, пилъ, игралъ въ карты и затѣвалъ дуэли, подобно своимъ товарищамъ. Но все это не удовлетворяло его. Его душа постоянно стремилась къ чему-то лучшему.

Онъ совершилъ путешествіе по Европѣ, и серьезный складъ его ума выразился въ томъ, что главной его цѣлью было посѣтить великихъ мыслителей Англіи и континента и побесѣдовать съ ними о смыслѣ жизни. Однако отъ нихъ онъ ничему не могъ научиться. Кромѣ сходной съ его вѣрой общей вѣрой въ „прогрессъ“ людского рода и въ совершенствованіе міра, они ничего не могли открыть ему новаго. Единственное, чему онъ научился во время путешествія, было сообщено ему не человѣкомъ науки, а опять-таки однимъ изъ тѣхъ драматическихъ случаевъ, которые всегда такъ сильно на него дѣйствовали:

„Въ бытность мою въ Парижѣ видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ“.

Этотъ случай служитъ прекраснымъ примѣромъ привычки Толстого смотрѣть на вещи такъ, какъ будто никто другой никогда не обращалъ на нихъ вниманія.

Во время вторичной поѣздки Толстого за границу пришла вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, и онъ поспѣшилъ возвратиться въ Ясную Поляну съ цѣлью помочь своимъ крестьянамъ освоиться съ новой свободной жизнью. Онъ сдѣлался старшимъ учителемъ основанной имъ деревенской школы и сталъ издавать педагогическій журналъ, описывающій результаты его опытовъ.

Многія изъ его статей того времени были черезъ 30 лѣтъ переведены на французскій языкъ и изданы отдѣльной книгой, которая дала мнѣ возможность познакомиться съ ними. Эти статьи даютъ интересную картину его опытовъ въ педагогіи.

Онъ выступилъ съ мыслью, что ребенка нужно учить только тому, чему онъ хочетъ учиться, и, по своему обычаю, настойчиво осуществлялъ до конца постигнутую имъ истину.

Раза два въ недѣлю случалось, что среди урока въ его школѣ какой-нибудь мальчикъ вставалъ и направлялся къ двери. Всѣ увѣщанія были напрасны. Другіе слѣдовали его примѣру, и въ какія-нибудь пять минутъ школа совершенно опустѣла и оставалась пустой весь этотъ день. Но это нисколько не смущало Толстого.

„Къ счастью,—говоритъ онъ,—такіе случаи бывали среднимъ числомъ только раза два въ недѣлю, и то обыкновенно послѣ часовъ двухъ занятій, и въ противовѣсъ этимъ полупраздникамъ во всѣ другіе дни недѣли каждый мальчикъ и дѣвочка приходили въ школу, потому что онъ или она предпочитали быть именно тамъ“. Они были совершенно свободны, и Толстой думаетъ, что атмосфера свободы гораздо болѣе благопріятна для воспитанія, чѣмъ система принужденія. Онъ никогда не начиналъ урока, не имѣя въ виду интереса дѣтей, не продолжалъ его, если ихъ интересъ начиналъ ослабѣвать, и никогда не прерывалъ урока, пока дѣти были имъ увлечены. Онъ говоритъ, что это послѣднее правило иногда задерживало его въ школѣ до поздняго вечера.

Можно надѣяться, что Толстой напишетъ еще книгу о воспитаніи по образцу своей книги „Что такое искусство?“ Это несомнѣнно будетъ одно изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ его произведеній *).

Въ этотъ же періодъ его жизни онъ вступилъ въ должность мирового посредника.

*) Впослѣдствіи Кросби написалъ отдѣльную книгу о педагогическихъ взглядахъ и опытахъ Л. Н. Толстого. Книга эта имѣется въ нашемъ изданіи въ переводѣ на русскій языкъ. (Э. Кросби. „Толстой, какъ школьный учитель“. Изданіе „Библіотеки свободнаго воспитанія и образованія“). *Ред.*

Эти разнообразныя занятія такъ утомили его, что онъ заболѣлъ и долженъ былъ все бросить и отправиться въ киргизскія степи лѣчиться кумысомъ.

Но его духъ не зналъ отдыха. Онъ думаетъ, что перемѣна въ его взглядахъ, происшедшая черезъ 15 лѣтъ послѣ того, случилась бы раньше, если бы женитьба не отвлекла его отъ самого себя.

Исторія его женитьбы описана въ „Аннѣ Карениной“ въ романѣ Левина и Кити. Вообще, надо замѣтить, что Толстой изображаетъ себя почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ: мы видимъ его болѣе или менѣе тожественнымъ съ Пьеромъ („Война и миръ“), съ Левинымъ, Николенькой, Нехлюдовымъ и другими.

Семейная жизнь Толстого была вполнѣ счастлива. Онъ жилъ съ женой въ деревнѣ. Городъ они посѣщали рѣдко.

Семья ихъ очень разрослась, расходы увеличились, и онъ усердно сталъ работать надъ своими большими романами „Война и миръ“ и „Анна Каренина“, которые принесли ему большой доходъ.

Постоянныя занятія мѣшали ему сосредоточиться на вопросахъ о неудовлетворительности основы его жизни, о недостаткѣ въ немъ вѣры, о необходимости нахожденія дѣйствительнаго смысла существованія. Но произведенія, написанныя имъ за это время и даже въ еще болѣе раннемъ періодѣ, даютъ много доказательствъ тому, что свѣтъ уже мерцалъ въ его душѣ. Въ сущности, какъ онъ говоритъ самъ, почти съ самаго ранняго дѣтства, когда онъ началъ читать евангеліе для самого себя, ученіе любви, смиренія, кротости, самоотреченія и воздаянія добромъ за зло было ученіемъ, трогавшимъ его болѣе всего.

Интересно было бы отмѣтить въ раннихъ произведеніяхъ Толстого тѣ мѣста, въ которыхъ выражается это чувство. Но достаточно будетъ и двухъ примѣровъ. Въ разсказѣ „Казаки“, написанномъ въ 50-хъ годахъ, герой, Оленинъ, идетъ одинъ на охоту за фазанами. Онъ ложится въ чащѣ на то мѣсто, гдѣ до него лежалъ олень, оставившій отпечатокъ своего тѣла въ листьяхъ, и его вдругъ охваты-

ваетъ невыразимое чувство счастья и любви ко всему живущему. Даже комары, мучившіе его сначала, становятся необходимой частью лѣса, и онъ начинаетъ наконецъ даже находить извѣстную прелесть въ ихъ назойливости. Онъ крестится и шепчетъ благодарную молитву. Онъ чувствуетъ, что составляетъ одно цѣлое съ дикой природой, окружающей его. Онъ болѣе вовсе не русскій дворянинъ, а просто живое существо.

„Отчего я не былъ счастливъ прежде?" спрашиваетъ онъ себя.

Онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя.

Онъ самъ представлялся себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ, въ сущности, ему для себя ничего не было нужно. И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ.

„Счастье вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало-быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія! Какія? Любовь, самоотверженіе!"

„Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить!"

Возвратившись въ станицу, онъ непремѣнно хочетъ подарить свою лошадь молодому казаку, своему сопернику въ любви къ одной изъ станичныхъ дѣвушекъ. Онъ чувствуетъ такую любовь ко всѣмъ, что ему кажется, „что тутъ въ станицѣ его домъ, что здѣсь его семья, все его счастье и что никогда нигдѣ онъ не испыталъ и не испытаетъ столько полноты счастья, какъ въ этой станицѣ".

Въ романѣ „Война и миръ", написанномъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его женитьбы, тоже есть мѣсто, въ которомъ Толстой предугадываетъ свои позднѣйшіе взгляды. Пьеръ говоритъ: „Жить и избѣгать зла для того, чтобы избѣжать угрызеній совѣсти, этого слишкомъ мало. Я жилъ такъ, и моя жизнь была безполезна. Только теперь я дѣйствительно живу,—теперь, когда я стараюсь жить для другихъ и понимаю блаженство такой жизни".

ГЛАВА II.

Великій духовный кризисъ Толстого.

Эти первые проблески послѣдующихъ убѣжденій Толстого указываютъ намъ, какъ напряженно работали его умъ и сердце тогда, когда, казалось, онъ всецѣло былъ поглощенъ своими литературными и домашними дѣлами.

Въ 50 лѣтъ онъ знаменитъ, богатъ, окруженъ любимой и любящей семьей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ несчастливъ, что онъ серьезно думалъ о самоубійствѣ и пересталъ даже ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы избѣжать соблазна застрѣлиться, и спряталъ бывшую у него веревку, чтобы не покончить съ собой при помощи ея.

Тотъ вопросъ, который онъ всю свою жизнь скрывалъ отъ себя подъ поверхностными заботами, всталъ теперь передъ нимъ и требовалъ отвѣта. Онъ испытывалъ тотъ кризисъ, который можно прослѣдить въ жизни всѣхъ людей, прошедшихъ черезъ глубокія душевныя испытанія и сдѣлавшихся, благодаря имъ, способными руководить другими людьми.

Онъ былъ приведенъ для искушенія въ пустыню. Въ сущности, жизнь, которую онъ велъ, какъ ни была она почтенна въ глазахъ свѣта, была все же не истинная жизнь: его отношенія съ людьми, — отношенія богача къ бѣднякамъ-крестьянамъ, — были не тѣми, какихъ требовала его душа, какихъ искалъ онъ въ глубинѣ своего сознанія, и только лишь упорядочивая эти отношенія, онъ могъ найти душевный миръ.

Вопросъ, ставшій передъ нимъ, Толстой высказываетъ въ различной формѣ:

„Что будетъ, если я сдѣлаюсь болѣе знаменитымъ, чѣмъ Пушкинъ и Шекспиръ, чѣмъ всѣ писатели въ мірѣ?“ спрашиваетъ онъ себя. „Что же тогда? Какихъ результатовъ достигну я тѣмъ, что дѣлаю теперь и что буду дѣлать завтра? Каковъ будетъ результатъ моей жизни? Зачѣмъ я живу? Къ чему мои желанья? Для чего я долженъ трудиться? Развѣ есть въ жизни что-нибудь, что можетъ пережить неизбѣжную смерть, ожидающую насъ?“

На вопросы эти Толстой долго и терпѣливо искалъ отвѣта во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, но поиски его были тщетны. Естественныя науки не занимались этими вопросами, философія хотя и допускала ихъ, но не давала никакого удовлетворительнаго рѣшенія. Оставивъ научныя книги, онъ обратился къ людямъ своего круга, чтобы изучить ихъ взглядъ на жизнь. Онъ увидалъ, что ихъ отношеніе къ вопросу о смыслѣ жизни раздѣлялось на четыре, одинаково неразумныя, категоріи: они или оставались совершенно равнодушными къ этому вопросу, или сознавали его, но старались искать развлеченія въ легкомысленныхъ забавахъ и случайныхъ занятіяхъ, или оканчивали самоубійствомъ, или, наконецъ, трусливо уклоняясь отъ самоубійства, продолжали влачить безнадежное существованіе.

Въ продолженіе всего этого времени Толстой работалъ въ увѣренности, что его собственный небольшой кружокъ образованныхъ, богатыхъ и праздныхъ людей представляетъ все человѣчество, и что остальные милліоны людей не заслуживаютъ серьезнаго вниманія; но, по счастію, его инстинктивная привязанность къ трудовымъ классамъ пришла къ нему на помощь и обратила его къ нимъ. Онъ началъ сознавать, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, нужно искать его среди тѣхъ, кто не переставалъ обладать этимъ пониманіемъ, искать среди тѣхъ милліоновъ людей, на которыхъ лежитъ вся тяжесть какъ нашей, такъ и ихъ собственной жизни. Поэтому онъ посвятилъ себя изученію окружающаго его простого, бѣднаго, невѣжественнаго крестьянства и тотчасъ же увидалъ, что не можетъ приравнять крестьянъ къ людямъ своего общества, такъ какъ крестьяне не находили въ жизни ничего неразумнаго, хотя они и игнорировали

вопросы, занимавшие его. Онъ увидалъ, что въ то время какъ образованные люди, убѣжденія которыхъ основаны на выводахъ ихъ разсудка, отрицаютъ смыслъ жизни, въ это же самое время главная масса человѣчества обладаетъ безсознательнымъ чувствомъ жизни, которое даетъ ей смыслъ. Короче, ихъ вѣра соединяла ихъ съ безконечнымъ.

Ошибка ученыхъ авторитетовъ и людей свѣтскаго общества заключалась въ томъ, что никто изъ нихъ не признавалъ связи между опредѣленной, конечной личностью и безконечнымъ, никто изъ нихъ не опредѣлялъ конечному существу разумнаго назначенія въ безконечномъ мірѣ. Вѣра крестьянина заполняетъ это недостающее звено. Вѣра же эта, какъ увидалъ Толстой, не есть подчиненіе разума извѣстнымъ истинамъ, но есть именно знаніе смысла жизни, то-есть истинная сила жизни.

Каждый живущій долженъ или закрывать глаза на безконечность или найти свой путь соотношенія съ этой безконечностью.

„Что я такое?“ спрашиваетъ онъ. „Часть безконечнаго цѣлаго“. Въ этомъ былъ отвѣтъ на проблему. Вѣра, опредѣляющая наше отношеніе ко всему міру, есть глубочайшій источникъ человѣческой мудрости.

Проникшись такой вѣрой, Толстой обратился за наставленіями къ своимъ друзьямъ, но не нашелъ удовлетворенія въ ихъ ученіи, не столько изъ-за неправильныхъ положеній, заключающихся въ немъ, сколько потому, что сами они не жили согласно съ тѣмъ ученіемъ, которое они проповѣдывали. Онъ убѣдился, что они обманываютъ сами себя. Онъ напрасно искалъ у нихъ поступковъ, могущихъ доказать, что ихъ пониманіе жизни уничтожило въ нихъ страхъ болѣзней и смерти.

Онъ обратился къ вѣрующимъ изъ бѣдныхъ классовъ, къ странникамъ, монахамъ, членамъ различныхъ народныхъ сектъ. Они исполнены были тѣхъ же предразсудковъ, которые поражали его среди высшихъ классовъ. Но межъ ними была глубокая разница, заключавшаяся въ томъ, что вся жизнь этихъ „высшихъ“ классовъ была въ прямой противополож-

ности съ ихъ вѣрой, тогда какъ жизнь народа вполнѣ соотвѣтствовала вѣрѣ его.

Чѣмъ больше Толстой изучалъ жизнь крестьянъ, тѣмъ больше онъ убѣждался, что у нихъ есть настоящая вѣра, прочное основаніе для ихъ жизни. Они терпѣливо проводятъ свои дни въ тяжеломъ трудѣ, безропотно переносятъ горе и болѣзни въ увѣренности, что все къ лучшему; они живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти съ спокойнымъ довѣріемъ и часто съ радостью. Смерть для нихъ почти всегда легка, безъ ужаса и отчаянія. Во всемъ этомъ жизнь ихъ представляетъ величайшій контрастъ съ жизнью богатыхъ и культурныхъ классовъ.

Сознаніе этого различія между богатыми и бѣдными, уже давно, какъ призракъ, преслѣдовавшее Толстого, теперь превратилось въ твердое убѣжденіе, и образъ жизни того класса общества, къ которому онъ принадлежалъ, сдѣлался для него безсмысленнымъ и отвратительнымъ.

Онъ ясно увидалъ, что трудность найти смыслъ жизни вытекала изъ того, что мы ведемъ ложную, искусственную жизнь и не раздѣляемъ общей жизни человѣчества.

Въ продолженіе всего этого періода душевныхъ мученій сердце Толстого полно было чувства, которое онъ не можетъ опредѣлить иначе, какъ исканіе Бога: чувства ужаса, сиротливости, одиночества. Онъ направлялъ всѣ усилія, чтобы познать Бога. Иногда были минуты, когда онъ какъ будто находилъ Его, и тогда только онъ чувствовалъ, что дѣйствительно живетъ; но это чувство быстро покидало его.

Разъ, ранней весной, онъ ходилъ по лѣсу, какъ всегда, погруженный въ такія мысли:

„Я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ Него, и я умираю.

„Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бъ у меня не было смутной надежды

найти Его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. — Такъ чего же я ищу еще? — вскрикнулъ во мнѣ голосъ.—Такъ вотъ Онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

„Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня.

„Я отрекся отъ жизни нашего круга,—продолжаетъ онъ въ своей „Исповѣди“:—признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ жизни, а жизнь простого трудового народа,—того, который дѣлаетъ жизнь, и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей“.

Онъ скоро замѣтилъ, что простая вѣра крестьянъ въ необходимость исполнять волю Божью трудомъ, смиреніемъ, терпѣніемъ и доброжелательствомъ ко всѣмъ людямъ,—что эта вѣра была связана со множествомъ предразсудковъ. Однако онъ старался не обращать на это вниманія и обратился къ православной церкви—церкви своего дѣтства.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ постоянно посѣщалъ деревенскую церковь близъ Ясной Поляны, стараясь всѣми силами слиться духомъ съ вѣрою крестьянъ, не обращая вниманія на противорѣчія, неясности и суевѣрія ихъ вѣрованій. И препятствіемъ, оттолкнувшимъ его—и навсегда—отъ церкви, не было вопросомъ формальнымъ или теоретическимъ, а исключительно практическимъ и нравственнымъ вопросомъ, поразившимъ его чисто практическій умъ.

Это было въ 1878 году, во время войны. . . . .
. . . .
. . . . Толстой услыхалъ изъ устъ проповѣдника вмѣсто словъ евангелія о любви къ врагамъ и воздаянія добромъ тому, кто причинилъ зло, слова, призывающія Христа поразить враговъ огнемъ и мечомъ,— . . . . . .
. . . . , и онъ оставилъ церковь.

Усилія Толстого отыскать истину, казалось, пропали да-

ромъ, но онъ ухватился за соломинку. Церковь основалась на евангеліи, и вся та истина, на которой она основана, должна заключаться въ евангеліи. Онъ захотѣлъ самъ изучить его и принялся за этотъ трудъ съ своей обычной тщательностью, терпѣньемъ и безпристрастіемъ. Онъ началъ опять учиться греческому языку, чтобы не быть введеннымъ въ забужденіе переводчиками, и результатомъ его труда было появленіе полнаго изслѣдованія и толкованія на евангелія въ трехъ томахъ съ греческимъ текстомъ съ одной стороны, новымъ переводомъ его — съ другой и его собственными примѣчаніями внизу.

Творческія свойства его ума позволили ему такъ проникнуть въ духъ евангельскаго повѣствованія, какъ никто еще не могъ этого сдѣлать. Онъ описываетъ всѣ событія, какъ будто они происходятъ сегодня, въ Москвѣ, и мы совершенно съ новой точки зрѣнія видимъ, почему, напримѣръ, фарисеи говорили то-то и то-то и почему ученики отвѣчали такъ, а не иначе.

Начавъ изучать книги евангелистовъ, Толстой былъ пораженъ тѣмъ фактомъ, что тексты, на которыхъ церкви основываютъ свои догматы, всегда очень неясны, а тѣ тексты, которые учатъ насъ, какъ жить, всегда ясны и точны.

Онъ много разъ перечитывалъ евангеліе, и самое сильное впечатлѣніе производила на него Нагорная проповѣдь. Нигдѣ онъ не находилъ болѣе яснаго и опредѣленнаго ученія о жизни. И потому-то онъ въ этихъ трехъ главахъ Евангелія отъ Матѳея увидѣлъ разъясненіе всѣхъ своихъ недоумѣній. Всякій разъ, какъ онъ читалъ эти главы, онъ испытывалъ восторгъ и умиленіе отъ словъ о подставленіи щеки, отдачѣ рубашки и любви къ врагамъ, но, тѣмъ не менѣе, слова эти какъ будто призывали къ невозможному самоотверженію, несовмѣстимому съ истинною жизнью. Онъ искалъ совѣта въ трактатахъ и комментаріяхъ ученыхъ богослововъ, но они не помогли ему. Только извѣрившись одинаково и во всѣ толкованія ученой критики, и во всѣ толкованія ученаго богословія, и откинувъ ихъ всѣ по слову Христа: если не примете Меня, какъ дѣти, не войдете въ царствіе Божіе... онъ понялъ вдругъ то, чего не понималъ

прежде. „Мѣсто, которое было для меня ключомъ всего,— говоритъ онъ, — было мѣсто изъ V гл. Мѳ., ст. 39: „Вамъ сказано: око за око, и зубъ за зубъ. *А Я говорю вамъ: не противься злому*: Я вдругъ, въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И тотчасъ — не то, что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала предо мной во всемъ ея значеніи.

„Христосъ ничего не преувеличиваетъ и не требуетъ никакихъ страданій для страданій, а только очень ясно и опредѣленно говоритъ то, что говоритъ. Онъ говоритъ: не противьтесь злому, и дѣлая такъ, впередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивъ васъ по одной щекѣ и не встрѣтивъ отпора, ударятъ и по другой; отнявъ рубаху, отнимутъ и кафтанъ; воспользовавшись вашей работой, заставятъ еще работать; будутъ брать безъ отдачи... И вотъ, если это такъ будетъ, то вы все-таки не противьтесь злому. Тѣмъ, которые будутъ васъ бить и обижать, все-таки дѣлайте добро...

„Христосъ хочетъ сказать: не противьтесь злу или злому, и чтобы съ тобой ни дѣлали злые, терпи, отдавай, но не противься злу или злымъ. Что же можетъ быть яснѣе, понятнѣе и несомнѣннѣе этого? И стоило мнѣ понять эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, и тотчасъ же во всемъ ученіи Христа все, что было запутано, стало понятно, что было противорѣчиво, стало согласно; и, главное, все, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось въ одно цѣлое и несомнѣнно потверждало одно другое, какъ куски разбитой статуи, составленные такъ, какъ они должны быть". („Въ чемъ моя вѣра").

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ остальные годы жизни Толстого, прежде чѣмъ продолжать разсмотрѣніе той его системы нравственности, къ которой привело его признаніе ученія о непротивленіи злу насиліемъ.

Въ 1881 году Толстой опять переѣхалъ въ Москву и старался найти исходъ своей новой духовной энергіи въ филантропическихъ проектахъ. Въ это время въ Москвѣ производилась всеобщая перепись. Онъ принялъ въ ней уча-

стіе въ качествѣ счетчика въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ, чтобы такимъ путемъ ближе сойтись съ населеніемъ. Въ это время онъ встрѣтился какъ-то съ извѣстнымъ крестьяниномъ-сектантомъ и религіознымъ реформаторомъ, Сютаевымъ. Когда онъ изложилъ ему свои планы о призрѣніи стариковъ и сиротъ и о прекращеніи нищеты въ городѣ, ожидая отъ Сютаева сочувствія, крестьянинъ все время молчалъ.

Наконецъ, Толстой обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ думаетъ про это.

„— Да все это пустое дѣло,—сказалъ Сютаевъ.

„— Отчего?

„— Да вся ваша эта затѣя пустая и ничего изъ этого добра не выйдетъ,—съ убѣжденіемъ повторилъ онъ.

„— Какъ не выйдетъ? Отчего же пустое дѣло, что мы поможемъ тысячамъ, хоть сотнямъ несчастныхъ? Развѣ дурно по-евангельски голаго одѣть, голоднаго накормить?

„— Знаю, знаю, да не то вы дѣлаете. Ты идешь, у тебя попроситъ человѣкъ 20 копеекъ. Ты ему дашь. Развѣ это милостыня? Ты дай духовную милостыню, научи его.

„— Такъ какъ же, имъ такъ и умирать съ голода и холода?

„— Зачѣмъ же умирать? Да много ли ихъ тутъ?

„— Какъ много ли ихъ? Ихъ въ Москвѣ, этихъ голодныхъ, холодныхъ, я думаю, тысячъ 20. А въ Петербургѣ и по другимъ городамъ?

„Онъ улыбнулся.

„— Двадцать тысячъ! А дворовъ у насъ въ Россіи въ одной сколько? Милліонъ будетъ?

„— Ну такъ что жъ?

„— Что жъ? Ну, разберемъ ихъ по себѣ. Ты возьмешь, да я возьму. Мы и работать пойдемъ вмѣстѣ; онъ будетъ видѣть, какъ я работаю, будетъ учиться, какъ жить, и за чашку вмѣстѣ за однимъ столомъ сядемъ, и слово онъ отъ меня услышитъ и отъ тебя. Вотъ это милостыня, а то эта ваша община совсѣмъ пустая" („Такъ что жъ намъ дѣлать?").

Истина этихъ словъ поразила Толстого; ему стало ясно, что его столь хвастливая филантропія была ошибкой. Бѣд-

няки, которымъ онъ давалъ деньги, видя его въ дорогомъ платьѣ и въ изящномъ экипажѣ, понимали, что онъ отдаетъ имъ то, что онъ легко отобралъ отъ другихъ бѣдняковъ.

Давая деньги, онъ всегда испытывалъ неловкое чувство, и тѣ, которымъ онъ давалъ, тоже повидимому чувствовали себя неловко по отношенію къ нему.

Онъ понялъ, что деньги, даваемыя и получаемыя въ видѣ обычной милостыни, не связываютъ людей узами любви, но вѣрнѣе, чѣмъ что-либо другое, отдаляютъ людей другъ отъ друга. У него былъ планъ устройства благотворительнаго общества, которое собирало бы лишнія деньги богатыхъ и распредѣляло ихъ среди бѣдныхъ, но теперь онъ началъ сомнѣваться въ разумности такого учрежденія.

Его сомнѣнія разрѣшились однимъ случаемъ, запечатлѣвшимся въ его памяти.

Онъ давно уже рѣшилъ, что человѣкъ, имѣя руки, ноги и мозгъ, долженъ употреблять всѣ эти члены на полезную работу, и поэтому сталъ ходить за городъ пилить дрова. Когда, однажды, онъ возвращался въ городъ съ двумя мужиками, которые пилили съ нимъ вмѣстѣ, къ нимъ подошелъ старикъ нищій, прося милостыню. Толстой и одинъ изъ мужиковъ подали ему по мелкой монетѣ. Этотъ маленькій случай заставилъ Толстого глубоко задуматься. „Эти два поступка,—думалъ онъ,—хотя и кажутся одинаковыми, но на самомъ дѣлѣ совершенно различны. Товарищъ его по работѣ заработалъ тѣ деньги, которыя подалъ нищему. Онъ отдавалъ ему свой трудъ, отдавалъ самого себя. Онъ самъ очень бѣденъ. Онъ самъ нуждается въ каждой копейкѣ, которую можетъ заработать. Сегодня вечеромъ онъ, можетъ-быть, останется безъ ужина, безъ того, что ему необходимо для жизни, потому что отдалъ эти деньги. „Ну, а я? Во-первыхъ, у меня такъ много денегъ, что я и не замѣчу, отдалъ ли я или не отдалъ эту мелочь. А какъ я самъ получилъ ее? Это часть дохода съ одного изъ моихъ имѣній. Я просто вынулъ эти деньги изъ кармана деревенскаго мужика и переложилъ въ руку городского нищаго; и это все, что я могъ съ ними сдѣлать“.

Послѣ этого случая Толстой пришелъ къ убѣжденію, что

единственная истинная христіанская милостыня состоитъ въ томъ, чтобы отдавать свой собственный трудовой заработокъ, свою собственную жизнь, вообще что-либо такое, что требуетъ извѣстнаго самоотверженія. Онъ понялъ, что въ его планахъ благотворительности нѣтъ ничего, отвѣчающаго запросамъ его сердца.

Ему стало такъ же ясно, что только держа бѣдныхъ на извѣстномъ разстояніи, богатый можетъ съ спокойной совѣстью заниматься обычной благотворительностью; вѣдь и самый жестокій человѣкъ едва ли способенъ спокойно обѣдать въ присутствіи людей съ пустыми желудками, питающихся однимъ чернымъ хлѣбомъ.

Мы отдѣляемъ себя отъ бѣдняковъ оградой привычекъ и условностей, настоящихъ масонскихъ знаковъ, знаніе которыхъ требуется для допущенія въ наше общество. Толстой говоритъ, что прежде, чѣмъ можетъ начаться дѣйствительная помощь бѣднымъ, преграда эта должна быть разрушена.

Онъ прожилъ всю жизнь неправильно; онъ самъ былъ съ головой погруженъ въ тину, а хотѣлъ помочь другимъ выйти изъ нея.

Высшіе классы своей праздностью, роскошью, своими безполезными занятіями толкаютъ рабочіе классы все ниже и ниже и постоянно увеличиваютъ пропасть между собою и ими.

„Я сижу на шеѣ у человѣка,—говоритъ Толстой,—задавилъ его и требую, чтобы онъ везъ меня, и, не слѣзая съ него, увѣряю себя и другихъ, что я очень жалѣю и хочу облегчить его положеніе всѣми возможными средствами, но только не тѣмъ, чтобы слѣзть съ него.

„Вѣдь это такъ просто. Если я хочу помогать бѣднымъ, т.-е. сдѣлать бѣдныхъ не бѣдными, я не долженъ производить этихъ самыхъ бѣдныхъ“ *).

И Толстой почувствовалъ отвращеніе къ той свѣтской

---

*) Торо говоритъ: «Если я посвящаю себя интересамъ другихъ, я непремѣнно долженъ сначала узнать, не преслѣдую ли я эти интересы, сидя на плечахъ у другого человѣка. Я долженъ сначала освободить его, чтобы онъ могъ тоже заняться своими интересами».

жизни, которую самъ такъ долго велъ и которая совершенно скрывала отъ него истину.

Его охватило непреодолимое отвращеніе къ роскоши своего существованія, и онъ началъ носить рабочее платье, какъ протестъ противъ лживости кастовыхъ привилегій и монополій. Онъ понялъ причину, изъ-за которой онъ не сознавалъ своего настоящаго положенія: причина была та, что онъ считалъ свои деньги однородными съ деньгами крестьянъ. Деньги давно уже потеряли свое простое значеніе посредника при обмѣнѣ продуктовъ труда. Въ истинно-христіанскомъ обществѣ это было бы ихъ единственнымъ назначеніемъ, но при неравенствѣ положеній и при несправедливомъ распредѣленіи богатства, деньги представляютъ силу, а не право. Въ рукахъ крестьянина деньги представляютъ собою трудъ; въ рукахъ помѣщика они представляютъ собою только силу и ничто другое.

Деньги, по мнѣнію Толстого, стали средствомъ порабощенія бѣдныхъ. Деньги—великое зло.

По его мнѣнію, и города — тоже зло, такъ какъ привлекаютъ деревенскій народъ для того, чтобы онъ своимъ трудомъ служилъ прихотямъ богатыхъ.

И Толстой, вновь оставивъ Москву, рѣшилъ вести естественную жизнь въ Ясной Полянѣ и по возможности слѣзть съ плечъ бѣдныхъ братьевъ.

Онъ и продолжаетъ жить тамъ, составляя нравственные разсказы для крестьянъ и статьи и трактаты для всѣхъ вообще людей.

Онъ ѣздитъ въ городъ только не надолго зимой, когда земледѣліе невозможно, оказывая такимъ образомъ свое личное вліяніе на тѣхъ, которые собираются въ его домѣ,— цѣнная привилегія въ странѣ, въ которой онъ не можетъ путемъ печати дѣлать общимъ достояніемъ свои завѣтныя мысли *).

---

*) Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, Л. Н—чъ не оставляетъ совсѣмъ Ясной Поляны, за исключеніемъ поѣздки его въ 1904 г. въ Крымъ, куда его увозила семья во время его тяжкой болѣзни. *Ред.*

ГЛАВА III.

Отвѣтъ Толстого на загадку жизни.

Теперь мы можемъ уже составить себѣ общее представленіе о взглядахъ Толстого.

Чтобы усвоить ихъ органическую связь между собою, мы должны попытаться опредѣлить основную его точку зрѣнія.

Мнѣ кажется, что она выражена лучше всего въ его небольшомъ трактатѣ „О жизни“.

Я хорошо помню свое первое знакомство съ этой книгой. Я жилъ въ то время въ Александріи, въ Египтѣ. Когда мнѣ случайно попался въ книжномъ магазинѣ французскій переводъ этой книги (переводъ графини С. А. Толстой), тогда я еще мало зналъ Толстого. Я читалъ, правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ „Анну Каренину“, и романъ произвелъ на меня большое впечатлѣніе. Впослѣдствіи я прочелъ собраніе его практическихъ статей о вредныхъ привычкахъ. Статьи эти показались мнѣ слишкомъ аскетическими, узкими по взглядамъ, но все же заставили меня на три-четыре дня перестать курить—подвигъ не малый для меня въ то время даже ради Толстого. Все это побудило меня пріобрѣсти книгу „О жизни“. Принеся ее домой, я прочелъ ее почти въ одинъ присѣстъ.

Самое лучшее, что я могу сдѣлать—это дать изложеніе самой сущности этой книги.

Большинство людей, говоритъ въ ней Толстой, ведутъ только животную жизнь, и между ними, межъ тѣмъ, всегда есть такіе, которые считаютъ себя призванными руководить человѣчествомъ. Они хотятъ учить смыслу жизни, сами не понимая его. Эти люди раздѣляются на два класса. Перво-

му, состоящему изъ людей науки, Толстой даетъ названіе „книжниковъ". Книжники увѣряютъ, что жизнь человѣка есть только его существованіе между жизнью и смертью, что жизнь есть произведеніе механическихъ силъ.

Только въ раннемъ періодѣ науки, въ періодѣ ея смутнаго и неопредѣленнаго состоянія, она можетъ пытаться объяснять такимъ образомъ всѣ жизненныя явленія. Астрономія дѣлала подобную попытку, когда была еще извѣстна подъ формой астрологіи; химія—когда была еще алхиміей. Въ наше время біологія проходитъ черезъ такую же фазу. Занимаясь только одной или нѣсколькими сторонами жизни, она хочетъ охватить всю жизнь въ ея цѣломъ.

Другому разряду ложныхъ учителей Толстой даетъ названіе „фарисеевъ". Эти люди на словахъ исповѣдуютъ догматы основателей религіи, въ которой они были воспитаны, но не понимаютъ ихъ истиннаго смысла и потому довольствуются требованіемъ исполненія внѣшнихъ формъ и обрядовъ.

Борьба книжниковъ съ фарисеями,—т.-е. борьба между ложной наукой и ложной религіей, такъ затемнила объясненія смысла жизни, данныя много лѣтъ назадъ великими мыслителями человѣчества, что книжники очутились въ полномъ невѣдѣніи относительно того, имѣютъ ли самыя основы религіи фарисеевъ какое-либо дѣйствительное разумное основаніе. И, странно сказать, то, что ученія великихъ учителей древности такъ поражали человѣка своимъ величіемъ, что люди обыкновенно приписывали имъ сверхъестественную силу,—этотъ именно фактъ и заставляетъ книжниковъ отвергать ихъ.

Такъ какъ ученія Аристотеля, Бэкона, Конта были понятны только небольшому числу ученыхъ и поэтому никогда не могли овладѣть массами, и такимъ образомъ избѣгли невѣжественныхъ преувеличеній,—то именно этотъ ясный признакъ ихъ ничтожности принимается, какъ признакъ ихъ истинности.

Что же касается до ученія браминовъ, Будды, Зороастра, Лао-Тсе, Конфуція и Христа, то они считаются суевѣріями, заблужденіями только потому, что они совершенно преобразовали жизнь милліоновъ людей.

Оставивъ въ сторонѣ пустыя распри книжниковъ и фарисеевъ, мы должны начать наше изслѣдованіе съ того самаго, что одно мы только достовѣрно знаемъ,—съ нашего внутренняго „я". Жизнь—это то, что я чувствую въ себѣ самомъ, и эту жизнь наука не можетъ опредѣлить. Скорѣе мое представленіе о жизни опредѣляетъ то, что я могу назвать знаніемъ, и я познаю все, что внѣ меня, единственно только расширеніемъ познаній о моемъ собственномъ духѣ и тѣлѣ.

Наше внутреннее сознаніе говоритъ намъ, что человѣкъ живетъ только для собственнаго счастья, что его стремленіе къ счастью и погоня за нимъ—составляетъ всю его жизнь. Сначала онъ сознаетъ жизнь только въ себѣ самомъ и выводитъ изъ этого, что то благо, которое онъ ищетъ, должно быть только его собственнымъ благомъ. Реальной жизнью ему кажется только его личная жизнь; жизнь же другихъ представляется ему только призракомъ. Но скоро онъ замѣчаетъ, что у другихъ людей такой же взглядъ на міръ, что въ жизни, въ которой онъ участвуетъ, принимаетъ участіе множество индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый стремится упрочить свое благосостояніе, стараясь для этого всячески препятствовать и вредить другимъ.

Человѣкъ видитъ, что ему безполезно бороться, такъ какъ все человѣчество противъ него. А если ему случайно удастся достичь желаемаго счастья, онъ все-таки не испытываетъ того удовлетворенія, котораго ожидалъ.

Чѣмъ старше онъ дѣлается, тѣмъ рѣже испытываетъ онъ счастливыя минуты; скука, пресыщеніе, заботы и страданія все увеличиваются, и онъ видитъ передъ собой только старость, болѣзни и смерть. Онъ сойдетъ скоро въ могилу, но міръ будетъ продолжать существовать.

Настоящая жизнь есть, слѣдовательно, жизнь внѣ его, а его собственная жизнь, казавшаяся ему прежде единственной вещью, имѣющей значеніе, приноситъ въ концѣ концовъ только разочарованіе. Благосостояніе отдѣльной личности—только обманъ, а если оно и можетъ быть достигнуто, то все равно оно прекращается со смертью. Жизнь человѣка какъ индивидуальности, стремящейся къ своему собствен-

ному благу среди безконечнаго множества подобныхъ же индивидуальностей, уничтожающихъ другъ друга и подлежащихъ также въ концѣ концовъ уничтоженію,—такая жизнь есть зло и безсмыслица. Она не можетъ быть истинной жизнью.

Наши затрудненія вытекаютъ изъ того, что мы смотримъ на свою животную жизнь, какъ на истинную. Наша истинная жизнь начинается только съ пробужденіемъ нашего сознанія, въ тотъ моментъ, когда мы замѣчаемъ, что жизнь исключительно для себя не можетъ дать истиннаго счастья. Мы чувствуемъ, что должно быть какое-то другое благо. Мы дѣлаемъ усиліе найти его, но, испытавъ неудачу, возвращаемся къ прежней жизни. Таковы первыя страданія при рожденіи истинной человѣческой жизни.

Эта новая жизнь проявляется только тогда, когда человѣкъ разъ навсегда отказывается считать благосостояніе своей животной личности единственной цѣлью существованія. Поступая такимъ образомъ, онъ исполняетъ законъ разума, законъ, который говоритъ намъ изнутри насъ,—тотъ самый всеобщій законъ, который управляетъ питаніемъ и размноженіемъ животныхъ и растеній.

Наша истинная жизнь есть добровольное подчиненіе этому закону, а не невольное подчиненіе нашего тѣла законамъ органическаго существованія, какъ хочетъ насъ увѣрить наука. Самоотверженіе такъ же свойственно человѣку, какъ свойственно птицамъ пользоваться крыльями вмѣсто ногъ. Это не есть похвальный или героическій поступокъ, а просто необходимое условіе истинной жизни человѣка.

Эта новая человѣческая жизнь проявляется въ нашемъ животномъ существованіи совершенно такъ же, какъ животная жизнь въ матеріи. Матерія является орудіемъ животной жизни, но не препятствіемъ къ ней, и такимъ же образомъ наша животная жизнь является орудіемъ нашей высшей человѣческой жизни и должна согласоваться съ ея требованіями.

Жизнь есть, слѣдовательно, дѣятельность животной личности, подчиняющейся законамъ разума. Разумъ говоритъ человѣку, что благо не можетъ быть достигнуто эгоистической жизнью и показываетъ, что есть только одинъ путь

къ нему—это любовь. Любовь—единственное законное проявленіе жизни. Это—дѣятельность, ставящая своей цѣлью благо другихъ. Едва она проявляется, какъ сейчасъ же прекращается борьба животной жизни.

Истинная любовь не есть предпочтеніе нѣкоторыхъ лицъ, присутствіе которыхъ доставляетъ намъ удовольствіе. То, что обыкновенно называютъ любовью,—это только дикое растеніе, къ которому можно привить истинную любовь. Истинная любовь становится возможной только тогда, когда человѣкъ откажется отъ стремленія къ своему собственному благосостоянію. Тогда-то наконецъ всѣ его жизненные соки направляются на питаніе привитаго побѣга. Старое дерево, т.-е. животная личность, отдаетъ ему всѣ свои силы.

Любовь—это предпочтеніе другихъ самому себѣ. Это не взрывъ страсти, затемняющей разумъ: напротивъ, нѣтъ другого состоянья души столько же разумнаго и свѣтлаго, столько же спокойнаго и радостнаго. Это естественное состояніе дѣтей и мудрецовъ.

Дѣятельная любовь достижима только для того, кто не стремится къ достиженію своего личнаго счастья, но даетъ свободный просторъ своему чувству доброжелательства къ другимъ. Его благополучіе нуждается въ любви, какъ растеніе въ свѣтѣ. Онъ не спрашиваетъ, что долженъ дѣлать, а просто отдаетъ себя той любви, которой можетъ достигнуть. Только тотъ, кто любитъ такою любовью, только тотъ живетъ. Такое самоотреченіе возноситъ человѣка надъ животнымъ существованіемъ во времени и пространствѣ въ царство истинной жизни. Ограниченія пространства и времени несовмѣстимы съ идеей истинной жизни. Чтобы достичь ея, человѣкъ долженъ довѣриться своимъ крыльямъ.

Тѣло человѣка мѣняется; сознаніе его проходитъ черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ стадій, различныхъ одна отъ другой. Что же такое „я“? Каждый ребенокъ можетъ сказать: „Я люблю это; я не люблю этого“. „Я“—это то, что любитъ. Это единственная связь человѣка съ міромъ, та связь, которую онъ несетъ съ собой дальше времени и пространства.

Говорятъ, что апостолъ Іоаннъ въ глубокой старости непрерывно повторялъ: „Братья, любите другъ друга“. Его животная жизнь уже почти прекратилась, исчезла въ новомъ существованіи, для котораго тѣло его стало слишкомъ тѣсно.

Для человѣка, который измѣряетъ свою жизнь возрастаніемъ любовнаго отношенія ко всему міру, для такого человѣка исчезновеніе и уничтоженіе ограниченій времени и пространства смертью есть только признакъ высшей степени просвѣтлѣнія.

Мой умершій братъ вліяетъ на меня гораздо сильнѣе, чѣмъ вліялъ при жизни; онъ точно проникаетъ въ мое существо и возноситъ меня къ себѣ. Какъ же я могу утверждать, что онъ умеръ? Люди, отрекшіеся отъ личнаго счастья, никогда не сомнѣваются въ своемъ безсмертіи. Христосъ зналъ, что будетъ продолжать жить послѣ смерти, потому что Онъ позналъ истинную жизнь, которая не можетъ прекратиться. Онъ жилъ въ сіяніи лучей той, другой жизни, къ которой Онъ приближался, и видѣлъ, что эти лучи отражались на окружающихъ Его. И то же самое видитъ всякій человѣкъ, отказавшійся отъ личныхъ благъ; онъ входитъ въ этой жизни въ новую связь съ міромъ, для которой нѣтъ смерти; съ одной стороны онъ видитъ новый свѣтъ, съ другой—дѣйствіе на его ближнихъ этого свѣта, отраженнаго имъ самимъ. Это все даетъ ему непоколебимую вѣру въ неуничтожимость, безсмертіе и вѣчное развитіе жизни.

Вѣра въ безсмертіе не можетъ быть получена отъ другого. Никакими аргументами нельзя себя въ немъ убѣдить. Чтобы имѣть эту вѣру, нужно обладать безсмертіемъ. Нужно вступить въ мірѣ въ новую жизнь, слишкомъ широкую для того, чтобы могъ вмѣстить ее міръ.

Вышеприведенное изложеніе даетъ далеко не совершенное понятіе о философіи Толстого о жизни, но достаточно опредѣляетъ главныя его положенія, его идею несостоятельности обычной человѣческой жизни, идеи необходимости

любви и самоотверженія и осуществленія безсмертія на землѣ.

„Но вѣдь это чистый мистицизмъ!"—возразятъ многіе. Да, конечно, мистицизмъ, но это не возраженіе противъ ученія Толстого. Мистицизмъ—это признаваніе невидимаго міра за осязаемый фактъ, а вовсе не отвлеченная теорія. Всѣ религіи имѣли началомъ мистицизмъ, и чѣмъ дальше онѣ расходились съ нимъ, тѣмъ болѣе впадали въ формализмъ. Мистицизмъ—истинная религія, подобно вѣрѣ генерала Гордона, который говорилъ, что вѣритъ въ „истинное присутствіе", подразумѣвая подъ этимъ дѣйствительное присутствіе Бога въ своей душѣ.

Вѣрующимъ въ Того, Кто сказалъ: „Царство Божіе внутри васъ есть", нельзя враждовать съ тѣми, кто дѣйствительно чувствуетъ въ себѣ Бога. Короче, всѣ христіане должны быть болѣе или менѣе мистиками.

Если мы допустимъ, что книга „О жизни", въ сущности, произведеніе мистическое и станемъ сравнивать его съ произведеніями тѣхъ, кого обыкновенно принято называть мистиками,—то мы будемъ поражены удивительной здравостью разсужденій Толстого.

Попытки изслѣдовать невидимый міръ часто опасны для тѣхъ, кто на нихъ рѣшается, но Толстой въ данномъ случаѣ избѣгъ и фантазій Беме и видѣній Сведенборга и истерическихъ крайностей св. Терезы. Не трудно найти причину этого. Онъ открываетъ дверь въ преддверіе, но не дверь чистаго созерцанія, квіетизма, погруженія въ себя. Есть что-то нездоровое въ самой идеѣ намѣренныхъ экскурсіи въ другія сферы. Въ этомъ заключается ошибка христіанскихъ аскетовъ, персидскихъ суфи, индусскихъ буддистовъ и современныхъ теософовъ. Мы опасаемся всякой религіи, отвращающей интересы и трудъ человѣка отъ этого міра: краеугольнымъ камнемъ такой религіи будетъ эгоизмъ, какъ бы его ни прикрывали.

Дверь, черезъ которую Толстой проникаетъ въ тайны жизни, есть простая, дѣятельная любовь къ человѣчеству. По его ученію, отдача себя труду для счастья другихъ, отражаясь въ глубинѣ нашего существа, заставляетъ насъ

испытывать чувство вѣчной жизни. Эта чисто практическая сторона его мистицизма сохраняетъ его въ равновѣсіи. Онъ просто говоритъ намъ: „Откажитесь отъ своихъ эгоистическихъ цѣлей; любите всѣхъ людей—всѣ живыя существа и посвящайте имъ вашу жизнь. Тогда вы получите обладаніе вѣчной жизнью и для васъ уже не будетъ смерти“.

Вотъ въ чемъ состоитъ философія Толстого о жизни.

Она почему-то овладѣла мной съ поразительной силой. Тогда я еще былъ членомъ церкви и регулярно посѣщалъ церковь. Но у меня не было истинной вѣры, я не былъ убѣжденъ ни въ чемъ невѣдомомъ, и вдругъ простое ученіе о любви, какъ высшей природѣ человѣка, ученіе о томъ, что стоитъ только человѣку отказаться отъ своихъ эгоистическихъ стремленій, и онъ внидетъ въ высшія сферы, найдетъ свою безсмертную душу и возродится снова,—это ученіе поразило меня, какъ новое великое открытіе. Я отбросилъ свое изученіе матеріи, я попытался любить,—и вѣрить ли своимъ чувствамъ?—я дѣйствительно почувствовалъ, что поднялся на какую-то высоту, я почувствовалъ, что во мнѣ есть что-то безсмертное.

И эта перемѣна во мнѣ не была только временной, такъ какъ съ этого дня весь міръ получилъ для меня совершенно новое освѣщеніе, такое, какого не имѣлъ прежде.

Руководствуясь тѣмъ освѣщеніемъ ученія Толстого, какое даетъ ему книга „О жизни“, мы можемъ перейти къ его другимъ произведеніямъ: „Исповѣди“, „Что намъ дѣлать?“ „Царство Божіе внутри насъ“, и другимъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ своимъ источникомъ тѣ же религіозныя основы, какія выражены въ этой книгѣ.

И въ „Соединеніи, переводѣ и изложеніи четырехъ Евангелій“, изъ которыхъ Толстой выводитъ свои принципы и практическое ученіе, мы находимъ различныя фазы развитія той же мысли.

Евангелисты черпали истину изъ одного источника, но одни изъ нихъ зачерпнули своими ведрами глубже, чѣмъ другіе

Евангеліе отъ Луки—это практическое руководство для соціальныхъ реформаторовъ, и ничего болѣе радикальнаго не было написано съ тѣхъ поръ. Но этотъ евангелистъ не достигаетъ самаго дна источника. Онъ осуждаетъ богатыхъ такъ же рѣшительно, какъ Толстой; онъ такъ же превозноситъ бѣдность, но изъ одного его евангелія нельзя уразумѣть всю истину.

Только апостолу Іоанну суждено было открыть божественный источникъ самоотверженія, показать разъ навсегда безконечное могущество любви, возрождающей людей для соединенія съ Богомъ и другъ съ другомъ. Но онъ учитъ всему этому, почти не упоминая о практическихъ выводахъ, которые вытекаютъ изъ этой основы. Евангеліе отъ Луки служитъ, такимъ образомъ, необходимымъ дополненіемъ Евангелія отъ Іоанна.

Кто-то сказалъ, что, такъ же какъ апостольской церковью сначала руководилъ апостолъ Петръ, потомъ апостолъ Павелъ и наконецъ апостолъ Іоаннъ, такъ и въ исторіи христіанской эры первымъ руководителемъ былъ апостолъ Петръ, представляемый католической церкви, затѣмъ Павелъ, апостолъ протестантизма и оправданія посредствомъ вѣры, а теперь опять наступаютъ дни Іоанна, апостола любви.

Въ этомъ сопоставленіи много правды. Духъ апостола Іоанна, мнѣ думается, есть духъ нашего времени, и духомъ этимъ проникнутъ Толстой. Не эта ли философія апостола Іоанна, усвоенная русскимъ мыслителемъ, придаетъ логическую связность на первый взглядъ несогласнымъ выводамъ его ученія?

ГЛАВА IV.

Основы нравственнаго и соціальнаго ученія Толстого.

Въ основаніе своей практической нравственной системы Толстой кладетъ пять заповѣдей Христа въ 5-й главѣ Евангелія отъ Матѳея. Эти пять заповѣдей, по его мнѣнію, должны даже замѣнить десять заповѣдей Моисея.

I. Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему „рака̀“, подлежитъ синедріону; а кто скажетъ „безумный“, подлежитъ гееннѣ огненной (V, 21—22).

II. Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (V, 27—28).

III. Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй передъ Господомъ клятвы твои. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно Престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: „да, да“, „нѣтъ, нѣтъ“; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго (V, 33—37).

IV. Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай

ему и верхнюю одежду; и кто принудитъ тебя итти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Просящему у тебя дай и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся (V, 38—42).

V. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ... и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (V, 43—48).

Я не думаю такъ, какъ Толстой, чтобы эти пять предписаній могли составить всю полную систему нравственности, хотя и признаю ихъ полное внутреннее соотвѣтствіе. Но я все же думаю, что они могутъ быть приняты за исходный пунктъ при разсмотрѣніи взглядовъ Толстого.

Первая изъ этихъ заповѣдей, запрещающая гнѣваться на брата своего, читалась прежде, согласно установленной версіи, такъ: „Всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*“. Въ пересмотрѣнной версіи Толстого исключено слово „напрасно“, такъ какъ въ лучшихъ рукописяхъ оно не встрѣчается. Вставка этихъ словъ служитъ яркимъ примѣромъ того, какъ евангелія были принижены къ уровню предразсудковъ ихъ читателей. Такія вставки были, можетъ-быть, просто примѣчаніями на поляхъ и внесены послѣ въ текстъ по ошибкѣ.

Мы, значитъ, не должны *никогда* гнѣваться на своего брата; мы должны относиться съ братской любовью ко всему человѣчеству; не должны обращаться ни къ кому съ выраженіями неудовольствія, подобными „рака“ или „безумецъ“. Возвышеніе надъ другими, отказъ признавать ихъ за равныхъ,—однимъ словомъ, всѣ классовыя различія,—вотъ что губитъ братскую любовь. И противъ этихъ-то классовыхъ различій, какъ главнаго источника вражды между людьми, и выступаетъ Толстой.

„Теперь же я понимаю,—говоритъ Толстой,—что выше

другихъ людей будетъ стоять тотъ только, кто унизитъ себя передъ другими, кто будетъ всѣмъ слугою. Я понимаю теперь, почему то, что высоко передъ людьми, есть мерзость передъ Богомъ, и почему горе богатымъ и прославляемымъ, и почему блаженны нищіе и униженные. Теперь я не могу содѣйствовать ничему тому, что внѣшне возвышаетъ меня надъ людьми, отдѣляетъ отъ нихъ, не могу, какъ я прежде это дѣлалъ, признавать ни за собой, ни за другими никакихъ званій, чиновъ и наименованій, кромѣ званія и имени человѣка; не могу искать славы и похвалы; не могу искать такихъ знаній, которыя отдѣляли бы меня отъ другихъ, не могу не стараться избавиться отъ своего богатства, отдѣляющаго меня отъ людей, не могу въ жизни своей, въ обстановкѣ ея, въ пищѣ, въ одеждѣ, во внѣшнихъ пріемахъ не искать всего того, что не разъединяетъ меня, а соединяетъ съ большинствомъ людей". („Въ чемъ моя вѣра").

Вторая заповѣдь запрещаетъ прелюбодѣяніе даже въ сердцѣ и идетъ дальше, запрещая разводиться съ женой во всѣхъ случаяхъ, „кромѣ вины любодѣянія" (V, 32). Этой оговорки нѣтъ ни у Марка (X, 2—12), ни у Луки (XVI, 18), и мнѣ кажется, что, хотя въ исправленной версіи эти слова сохранены, они были прибавлены къ тексту такимъ же образомъ, какъ слово „напрасно" въ первой заповѣди. Христосъ прежде всего предписываетъ чистоту душевную и полную вѣрность въ душѣ и на дѣлѣ между мужемъ и женой, и это ученіе Толстой принимаетъ во всей полнотѣ. „Единобрачіе,— говоритъ онъ,— есть естественный законъ человѣчества".

Его разсказъ „Крейцерова соната" осуждался болѣе всего за то, что въ немъ онъ совершенно отрицаетъ бракъ и, дѣйствительно, онъ только допускаетъ физическій бракъ, ставшій необходимостью только по закоснѣлости нашихъ сердецъ. Онъ говоритъ, что физическая любовь есть страсть чисто животная и какъ таковая недостойна высшаго состоянія человѣчества. Идеаломъ христіанина долженъ быть не бракъ, а любовь къ Богу и ближнему.

Третья заповѣдь: „Не клянитесь вовсе", замѣняетъ прежнюю заповѣдь о томъ, что человѣкъ долженъ исполнять

свои клятвы . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Что бы христіанское ученіе ни подразумѣвало, проповѣдуя противъ клятвы, я утверждаю, что Толстой правъ, когда настаиваетъ, чтобы люди сохраняли свою совѣсть свободной и, не связывая себя на будущее время, не становились бы рабами. Я долженъ быть свободенъ каждую минуту моей жизни, чтобы повиноваться голосу своей совѣсти, какъ человѣкъ . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Рихардъ Вагнеръ, бывшій не только великимъ композиторомъ, но и замѣчательнымъ мыслителемъ, сходится съ Торо̀ и Толстымъ въ вопросѣ о клятвѣ.

Въ своей статьѣ „Учитель изъ Назарета“ онъ говоритъ: „въ словахъ „не клянитесь“ заключается главный законъ міра, еще не знающаго любви. Пусть же, по отношенію къ словамъ клятвы, каждый человѣкъ будетъ обладать свободой дѣйствовать всегда согласно съ любовью и своими способностями. Связанный клятвою, я не свободенъ; если даже, исполняя клятву, я дѣлаю добро, въ этомъ добрѣ нѣтъ заслуги, какъ во всякой вынужденной добродѣтели, и оно теряетъ цѣну убѣжденія; если же клятва ведетъ меня ко злу, я грѣшу противъ убѣжденія. Клятва порождаетъ всякіе пороки; если она невыгодна для меня, я стараюсь обойти ее (какъ обходятъ всякій законъ), и тотъ справедливый поступокъ, который я сдѣлалъ бы, преслѣдуя свое благо, посредствомъ клятвы, обращается въ преступленіе; а если я нахожу въ немъ для себя выгоду, не дѣлая другимъ зла, тогда я лишаю самъ себя нравственнаго удовлетворенія поступать справедливо каждый мигъ по собственному моему свободному разумѣнію“.

Насколько я понимаю, Толстой толкуетъ заповѣдь о клятвѣ въ широкомъ смыслѣ, просто говоря, что мы, въ качествѣ людей, мужчинъ и женщинъ, никогда не должны дѣлать ничего противъ нашей совѣсти. Мы не должны сваливать отвѣтственность на общество. Недобросовѣстно было бы говорить: „Мы знаемъ, что дурно брать ренту (незаработанную прибыль съ земли или процентъ), дурно убивать, дурно дѣлать то или другое подобное, но если общество даетъ намъ право поступать такъ, то это его вина“. Это не христіанское понятіе. Христіанинъ не сваливаетъ свои грѣхи на другихъ, а, напротивъ, беретъ грѣхи другихъ на себя. Онъ отвѣчаетъ за другихъ, а не другіе за него.

Четвертая заповѣдь является настоящимъ краеугольнымъ камнемъ всей этики Толстого. Она гласитъ: „Не противься

злому“, и онъ расширяетъ еще это правило: „никогда не противься злу насиліемъ; никогда не плати насиліемъ за насиліе. Если кто ударитъ тебя, перенеси это; если кто-нибудь возьметъ то, что принадлежитъ тебѣ, отдай ему это; если тебя заставятъ работать,—работай“.

„Неправда,—говоритъ Толстой,—будто наше благосостояніе можетъ быть обезпечено защитой себя и своей собственности отъ другихъ. Большая часть зла въ мірѣ происходитъ изъ стремленія заставить другихъ людей работать на насъ“.

„Я знаю,—говоритъ Толстой,—тотъ соблазнъ, который вводилъ меня въ зло. Соблазнъ этотъ состоитъ въ заблужденіи о томъ, что жизнь моя можетъ быть обезпечена защитой себя и своей собственности отъ другихъ людей. Я знаю теперь, что большая доля зла людей происходитъ оттого, что они вмѣсто того, чтобы отдавать свой трудъ другимъ, не только не отдаютъ его, но сами лишаютъ себя всякаго труда и насиліемъ отбираютъ трудъ другихъ. Вспоминая теперь все то зло, которое я дѣлалъ себѣ и людямъ, и все зло, которое дѣлали другіе, я вижу, что большая доля зла происходитъ оттого, что мы считали возможнымъ защитой обезпечить и улучшить свою жизнь. Я понимаю теперь также слова: человѣкъ рожденъ не для того, чтобы на него работали, но чтобы самому работать на другихъ, и значеніе словъ: трудящійся достоинъ пропитанія. Я вѣрю теперь въ то, что благо мое и людей возможно только тогда, когда каждый будетъ трудиться не для себя, а для другого, и не только не будетъ отстаивать отъ другого свой трудъ, но будетъ отдавать его каждому, кому онъ нуженъ. Вѣра эта измѣнила мою оцѣнку хорошаго, дурного и низкаго. Все, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ—богатство, собственность всякаго рода, честь, сознаніе собственнаго достоинства, права,—все это стало теперь дурно и низко; все же, что казалось мнѣ дурнымъ и низкимъ—работа на другихъ, бѣдность, униженіе, отреченіе отъ всякой собственности и всякихъ правъ—стало хорошо и высоко въ моихъ глазахъ. Если теперь я и могу въ минуту забвенія увлечься насиліемъ для защиты себя и другихъ или своей или чужой собственности, то я не могу уже спокойно и

сознательно служить тому соблазну, который губитъ меня и людей, я не могу пріобрѣтать собственности; не могу употреблять какое бы то ни было насиліе противъ какого бы то ни было человѣка, за исключеніемъ ребенка, и только для избавленія его отъ предстоящаго ему тотчасъ же зла; не могу участвовать ни въ какой дѣятельности власти, имѣющей цѣлью огражденія людей и ихъ собственности насиліемъ, не могу быть ни судьей, ни участникомъ въ судѣ, ни начальникомъ, ни участникомъ въ какомъ-нибудь начальствѣ; не могу содѣйствовать и тому, чтобы другіе участвовали въ судахъ и начальствахъ". („Въ чемъ моя вѣра").

Такимъ образомъ Толстой не ограничиваетъ приложеніе этого правила нашими личными отношеніями.

Въ Евангеліи отъ Матѳея сказано такъ: „зубъ за зубъ; Я говорю вамъ: не противься злому". Заповѣдь „око за око и зубъ за зубъ" трижды упоминается въ законѣ Моисея (Исх. XXI, 24; Лев. XXIV, 20, Второз. XIX, 21) и въ каждомъ случаѣ какъ постановленіе уголовнаго закона. Христосъ, слѣдовательно, предлагаетъ заповѣдь непротивленія, какъ замѣну уголовнаго закона. Толстой принимаетъ всецѣло этотъ взглядъ Христа. Для него всякое управленіе силой—дурно.

Остановимся на минуту и вникнемъ, вѣренъ ли принципъ непротивленія. Если бы даже Христосъ слѣдовалъ ему, то все же этого было бы недостаточно для того, чтобы принуждать христіанина поступать такъ же, если бы это расходилось съ его взглядами. Мы ужъ такъ устроены, что не можемъ взять на себя нравственное обязательство, не соотвѣтствующее нашему внутреннему чувству справедливости. Наша нравственность должна быть живымъ побѣгомъ самой жизни, и всякій прививокъ, который не соединенъ съ нами, и не можетъ найти новаго источника жизни въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, долженъ быть отброшенъ, невзирая на то, откуда бы онъ ни исходилъ. Чѣмъ является съ этой точки зрѣнія для насъ ученіе о непротивленіи? Находитъ ли оно откликъ въ глубинѣ нашей души?

Каждый изъ насъ долженъ самъ отвѣтить на этотъ вопросъ, увѣрившись предварительно самымъ строгимъ обра-

зомъ, что никакой изъ низменныхъ инстинктовъ не вліяетъ на его рѣшеніе. Я лично убѣжденъ, что чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ наше сознаніе, тѣмъ яснѣе будетъ становиться для насъ мудрость этого ученія. Мы увидимъ, что въ прошедшемъ оно вызывало возраженія нѣкоторыхъ благороднѣйшихъ людей; теперь же есть много основаній предполагать, что все больше и больше людей чувствуетъ истинность этого ученія и необходимость приложенія его къ жизни, если Царствіе Божіе должно когда-нибудь наступить.

Если это такъ, можно вполнѣ надѣяться, что вооруженное сопротивленіе сдѣлается современемъ такъ же ненавистно намъ самимъ, какъ оно было, очевидно, ненавистно Христу. Возможно, что въ будущемъ для христіанина будетъ такъ же невозможно приговорить кого-нибудь къ смерти, описать имущество должника или бросить бомбу въ себѣ подобнаго, такъ же, какъ теперь онъ не въ состояніи былъ бы участвовать въ людоѣдствѣ.

И это не будетъ слабовольная лишь уступка чувству. Насиліе нельзя прекратить насиліемъ. Мы пытались совершить этотъ невозможный подвигъ въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ, а между тѣмъ въ настоящее время въ Европѣ больше солдатъ и орудій войны, чѣмъ когда-либо, а у насъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершается ежегодно болѣе 10.000 убійствъ, и всѣ мы знаемъ, что даже въ нашихъ воскресныхъ школахъ достаточно воинственнаго духа, чтобы подготовить еще нѣсколько поколѣній дикарей. Все это результаты все той же системы „око за око, зубъ за зубъ". Мы предполагаемъ, что Христосъ навѣки уничтожилъ ее, а сами ежедневно практикуемъ ее въ нашей жизни такъ же безжалостно, какъ древніе римляне и евреи.

Только безумецъ можетъ пытаться остановить маятникъ, наклонившійся вправо, тѣмъ, что сильно толкнетъ его влѣво, а между тѣмъ въ этомъ главнымъ образомъ дѣятельность нашего законодательства. Этимъ именно способомъ „вендетта" (родовая месть) въ Корсикѣ поддерживается въ одномъ семействѣ цѣлыми столѣтіями. Убійство слѣдуетъ за убійствомъ; сынъ наслѣдуетъ отъ отца обязательство

убить такого-то. Представьте, что въ одномъ изъ такихъ случаевъ вражды одно изъ семействъ прониклось ученьемъ Христа и отказалось требовать жизнь за жизнь; тогда, очевидно, ненависть, существовавшая между поколѣніями, должна исчезнуть, и среди этихъ людей воцарится миръ, гармонія и согласіе.

Также и по отношенію къ цѣлымъ націямъ: не лучше ли было бы забыть Эльзасъ и Лотарингію и перестать сѣять тѣ братоубійственныя сѣмена, которыя такъ часто приносили Европѣ кровавую жатву?

И если этотъ принципъ примѣнимъ въ такихъ случаяхъ, то тѣмъ болѣе онъ примѣнимъ къ обыкновеннымъ случаямъ жизни. Кто-нибудь долженъ вамъ десять рублей. Согласно ли будетъ съ духомъ ученія Христа преслѣдовать этого человѣка за неплатежъ этихъ денегъ? Можно ли представить, что Христосъ поступилъ бы такъ? Помимо всякихъ христіанскихъ воззрѣній, будетъ ли вашъ судебный процессъ способствовать воцаренію всеобщаго мира или будетъ только все тѣмъ же насильственнымъ толчкомъ маятника?

Нѣтъ, нашъ методъ былъ совершенно несправедливъ: мы навязывали другимъ наши религіозныя и нравственныя убѣжденія, наши понятія о законѣ и порядкѣ, о собственности и поведеніи, наши воззрѣнія на личныя права. Если бы я могъ заставить весь міръ согласиться со мной, у насъ, конечно, наступилъ бы золотой вѣкъ, и вотъ я пытаюсь сдѣлать это силой,—или самъ поднимая оружіе, или стараясь получить для подтвержденія моихъ убѣжденій печать утверждающаго ихъ закона и тѣмъ налагая на другихъ желѣзную руку правительства. Такой планъ кампаніи былъ бы очень удаченъ, если бы я былъ единственный человѣкъ въ мірѣ, желающій устроить все по своимъ убѣжденіямъ, но оказывается, что всѣ люди на землѣ, за немногими исключеніями, желаютъ дѣлать то же. И результатомъ этого, какъ и можно ожидать, является неописуемый безпорядокъ, въ которомъ на гибнущихъ среди него почти не обращаютъ вниманія.

Каждый народъ поступаетъ такъ же, и всѣ въ обществѣ,

и даже въ роднѣ враждуютъ между собою. Отсюда происходитъ такое множество соціальныхъ и экономическихъ страданій, съ которыми мы должны бороться и противъ которыхъ должны найти средства.

Не пора ли спросить себя, правильно ли человѣчество боролось съ общественнымъ разстройствомъ и не слѣдуетъ ли радикально измѣнить способъ борьбы съ нимъ.

Остановимся на минуту на діагнозѣ Великаго Врача.

Мы обыкновенно смотримъ на зло не такъ, какъ смотрѣлъ на него Христосъ. Когда мы думаемъ объ убійствѣ, мы сейчасъ же представляемъ себѣ страданія, жертвы, пролитую кровь, прерванную жизнь, осиротѣлое семейство. Наши чувства дѣлаютъ эти признаки главными чертами всей картины, и мы стараемся предупредить эти результаты преступленія. Но Христосъ смотрѣлъ глубже. Онъ могъ ставить свою скорбь и состраданіе на задній планъ, потому что Онъ видѣлъ здѣсь нѣчто гораздо болѣе худшее.

Онъ говоритъ намъ: „Не бойтесь тѣхъ, кто убиваетъ тѣло, души же не могутъ убить". По Его убѣжденію, главное зло не убійство, а гнѣвъ на брата своего. Его задачей служитъ не то, какъ предотвратить убійство, а какъ искоренить гнѣвъ и ненависть изъ сердца людей.

Таковъ Его діагнозъ. Главное зло заключается въ дурныхъ помыслахъ людей, въ зависти, корыстолюбіи, ненависти, хитрости и жестокости. Противъ этихъ-то дурныхъ инстинктовъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, и долженъ христіанинъ направлять свою энергію, если онъ хочетъ исцѣлить общество и положить основаніе миру на землѣ.

И Христосъ направляетъ всѣ средства своей непротивляющейся любви какъ разъ противъ этихъ дурныхъ помысловъ людскихъ, и я увѣренъ, что въ этой любви заключается та власть, та сила, которая не можетъ быть сломлена никакими репрессіями или принужденіемъ даже въ самой утонченной формѣ, но которой въ свою очередь нельзя дѣйствовать посредствомъ принужденія.

Есть только одинъ дѣйствительный способъ уничтожить зло,—это побѣдить его добромъ.

Способомъ этимъ еще не предполагается уничтоженіе

правительства. Христіанскіе принципы требуютъ только, чтобы каждый человѣкъ воздерживался отъ того, что его совѣсть не позволяетъ ему дѣлать. Ничто не можетъ быть уничтожено, пока всѣ люди не придутъ къ этому убѣжденію. А когда это совершится, тогда міръ, состоящій изъ непротивленцевъ, можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, обойтись безъ правительства, правящаго посредствомъ силы.

Намъ трудно представить себѣ государство безъ тюремъ и полиціи, а 50 лѣтъ тому назадъ нельзя было представить себѣ школу безъ розогъ и линеекъ. Эта перемѣна въ школьной дисциплинѣ показываетъ направленіе, въ которомъ движется наша цивилизація.

Уотъ Уитманъ въ одной изъ своихъ небольшихъ поэмъ выражаетъ, по-моему, въ истинно-христіанскомъ духѣ, идею отношеній личности къ общественнымъ учрежденіямъ:

„Я слышалъ, меня обвиняли въ стремленіи разрушить всѣ установленія, — но я, право, не говорю ни за, ни противъ установленій. Что у меня общаго съ ними? или что общаго съ разрушеніемъ ихъ? Я только хочу воздвигнуть въ Моннагаттѣ и въ каждомъ городѣ этихъ государствъ, внутри страны и на морскомъ берегу, въ поляхъ и лѣсахъ, и на каждой ладьѣ, маленькой и большой, бороздящей воду, воздвигнуть внѣ всякихъ правилъ или доводовъ, — учрежденіе дорогой товарищеской любви“.

Принципъ непротивленія не есть принципъ ни трусости, ни изнѣженности. Примѣры, которые мы приведемъ дальше, докажутъ это. Но достаточно даже взглянуть на высокую, могучую фигуру Толстого, ветерана Крымской войны, чтобы доказать намъ, что его религія должна быть мужественна.

Но даже если бы у насъ не было примѣровъ, доказывающихъ это, мы можемъ удостовѣриться въ мужественности непротивленія, исходя изъ самой природы человѣка.

Первое условіе мужества есть самоотверженіе, а первое условіе самоотверженія—преобладающая забота о другихъ, которую мы и называемъ любовью.

Истинная любовь уничтожаетъ страхъ, и человѣкъ, отказывающійся проявлять свою силу на своемъ ближнемъ, по-

тому что онъ любитъ его, — такой человѣкъ менѣе всѣхъ другихъ будетъ бояться за себя. Это мужество, вытекающее изъ любви, и есть то мужество, которое отличаетъ человѣка отъ животнаго. Оно черпаетъ свою силу изъ области чувства и мысли, любви и правды, сердца и разума, изъ области, составляющей истинное жилище человѣческой души. Всѣ наши физическія дѣйствія, не находящія своей причины въ этой высшей области, суть дѣйствія чисто животныя, и въ нихъ насъ можетъ превзойти любой тигръ или бульдогъ.

„Но, — говорятъ намъ, — ученіе о непротивленіи препятствуетъ намъ, напримѣръ, помѣшать убійству ребенка, и примѣръ этотъ ясно показываетъ очевидное *reductio ad absurdum* всего вашего принципа“.

Вѣроятно, немногіе изъ непротивленцевъ доводятъ практическое примѣненіе своей теоріи до такой крайности, но дѣло въ томъ, что едва ли одинъ человѣкъ изъ милліона бываетъ поставленъ въ такое положеніе, въ то время какъ зло жестокости и насилія постоянно совершается передъ нами во всѣхъ общественныхъ несправедливостяхъ и неравенствѣ, въ ужасахъ войны, почти во всей нашей жизни.

Къ тому же всякій нравственный принципъ можно доводить до такой крайности, когда его приложеніе можетъ представляться сомнительнымъ, хотя бы самый принципъ и не внушалъ бы сомнѣній. Напримѣръ, мы всѣ признаемъ нравственное обязательство быть правдивыми, но если кто-либо изъ насъ допуститъ ложь, — напримѣръ, для спасенія чьей-нибудь жизни,—то мы изъ-за этого не отбросили бы самый принципъ и не начали бы безсовѣстно лгать.

Если мы чувствуемъ себя обязанными защитить ребенка отъ обиды даже посредствомъ насилія, то это не оправданіе, чтобы мы и въ менѣе важныхъ случаяхъ обращались къ такъ называемымъ законнымъ или незаконнымъ примѣненіямъ силы.

Истиннымъ средствомъ защиты и умиротворенія служитъ любовь, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ, когда мы прибѣгаемъ къ силѣ, наша совѣсть намъ скажетъ (если мы остановимся, чтобы выслушать ее), что нашъ поступокъ

не согласенъ съ любовью и что потому онъ непремѣнно заключаетъ извѣстную долю ненависти или злой воли.

Но должны ли мы, стремясь всецѣло къ осуществленію Царствія Божія, отказаться отъ всѣхъ обычныхъ способовъ улучшенія жизни, съ которыми познакомила насъ цивилизація? Можемъ ли мы улучшить міръ безъ помощи законовъ, судей, войска, полицейскихъ и тюремъ?

Христосъ, конечно, считалъ эти способы совершенно ненужными. Въ Его время было еще гораздо больше правительства, чѣмъ въ наше. Онъ былъ окруженъ римскими и еврейскими національными и общественными учрежденіями, но Онъ никогда не пытался пользоваться ими для своихъ цѣлей. Только однажды предстала передъ Нимъ мысль о томъ, чтобы воспользоваться ими, когда искуситель, показавъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ, сказалъ: „Все это дамъ Тебѣ, если падши поклонишься мнѣ“. Всѣ мы помнимъ отвѣтъ Христа: „Отойди отъ Меня, сатана“. Припомнимъ также его слова: „Вы знаете, что цари язычниковъ господствуютъ надъ ними и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ“.

„Но,—возразятъ намъ,—насъ всегда учили смотрѣть на эти вещи, какъ на самыя великія и самыя важныя въ мірѣ“. Совершенно вѣрно. Но Іисусъ такъ говоритъ объ этомъ: „То, что почитается передъ людьми, есть зло передъ Отцомъ Моимъ небеснымъ“.

Но слѣдовать ученію Христа не значитъ непремѣнно стремиться къ безформенному состоянію общества, къ буйной разнузданности индивидуализма, къ анархіи и безпорядку.

Христіанство хочетъ единенія и порядка, но единеніе должно быть органическимъ, а не механическимъ, постоянно расти, а не быть какимъ-то учрежденіемъ. Единеніе это должно быть живымъ единеніемъ, которое не можетъ быть осуществлено идеей царства, не даже болѣе благородной идеей человѣческаго братства,—но единеніемъ, которое достигается лишь въ единствѣ, превышающимъ даже благороднѣйшія чувства отцовства и братства и достигающимъ того идеала настоящаго единства, которое чувствовалъ Іисусъ, когда молился, чтобы мы были едины съ Нимъ такъ же, какъ

Онъ единъ съ Отцомъ, и когда Онъ говорилъ: „Если вы сдѣлали это одному изъ братьевъ моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“.

Развивать чувство такого единства, проповѣдывать о послѣдствіяхъ его примѣненія къ нашей соціальной жизни, протестовать противъ всякаго нарушенія закона любви, который оно предписываетъ, вотъ въ чемъ открывается настоящее поле дѣятельности для христіанскаго реформатора.

Поддерживать высшій идеалъ, вѣря въ его врожденную убѣдительность и отбрасывая всякое принужденіе,—въ этомъ, вѣрьте мнѣ, есть высочайшее назначеніе человѣка, и исторія покажетъ намъ, что оно имѣетъ самыя прочныя практическія послѣдствія.

Господь проявляется не въ бурѣ или непогодѣ, но въ тихомъ, слабомъ дуновеніи, и наивысшимъ выраженіемъ Новаго Завѣта является Агнецъ на престолѣ.

Мы не можемъ сдѣлать большей ошибки, какъ поднять на обидчика руку. Человѣка, не отвѣчающаго ударомъ на ударъ, нельзя побѣдить, и обращеніе съ нимъ представляетъ неразрѣшимую проблему для тирана.

Только непротивленецъ можетъ пересилить самую сильную власть. Его нельзя донять никакими преслѣдованіями.

Мы еще не говорили о пятой заповѣди, но вѣдь о ней можно сказать все въ трехъ словахъ: „Любите враговъ вашихъ“.

Эта заповѣдь предписываетъ братскую любовь ко всѣмъ людямъ, слѣдовательно, равно и къ тѣмъ, кого мы склонны ненавидѣть по національнымъ или личнымъ причинамъ. Эта любовь осуждаетъ многое, что считается патріотизмомъ, какъ осуждаетъ многое другое, считающееся благороднымъ и уважаемымъ.

ГЛАВА V.

Ученіе Толстого и христіанское ученіе.

Я представилъ общій обзоръ убѣжденій Толстого.

Дѣйствительно ли, какъ полагаетъ Толстой, въ нихъ выражается ученіе Христа?

Ни Евангеліе, ни какую-либо другую книгу, понятно, нельзя истолковывать буквально, независимо отъ ея духа.

Цѣль всякой бесѣды, слова, въ томъ, чтобы привести слушающаго въ то же умственное и духовное состояніе, въ какомъ находится говорящій, заставить его посмотрѣть на предметъ съ той же точки зрѣнія, понять его въ томъ же духѣ.

Какое же духовное или душевное состояніе необходимо опредѣляется словами Іисуса въ Нагорной проповѣди?

Не противиться злому человѣку, обратить и другую щеку къ обидчику, отказываться защищать нашу собственность закономъ, открывать всѣмъ свой кошелекъ, распространять любовь вездѣ подъ солнцемъ, во всѣ концы міра, любовь, охватывающую всѣхъ людей, любовь даже къ нашимъ врагамъ и преслѣдователямъ, — какой духъ предполагаетъ все это, какъ не духъ полнаго равнодушія къ накопленной собственности, какъ не духъ такого душевнаго свѣта, который не могутъ затушить никакія обиды и оскорбленія,— духъ такой любви къ оскорбителю, которая превозмогаетъ всѣ другія соображенія.

И если мы будемъ стремиться развивать въ себѣ этотъ духъ, не приведетъ ли это насъ къ почти буквальному исполненію словъ Христа?

Я не вижу другого выхода, какъ признать, что слова Христа

въ Нагорной проповѣди должны означать именно то, что означаютъ. Если же они являются преувеличеніями, то могутъ ли они тогда имѣть какое-нибудь значеніе и не являются ли они въ концѣ концовъ просто безсмысленными звуками, вводящими лишь въ заблужденіе?

Когда Іисусъ проповѣдуетъ идеи, кажущіяся намъ слишкомъ возвышенными, мы приписываемъ ихъ восточной образности. Но Моисей, ап. Павелъ и ап. Іоаннъ были также жителями Востока, а мы принимаемъ ихъ слова буквально. Почему же мы будемъ примѣнять другое толкованіе къ словамъ Христа? Нѣтъ, очевидно, что, говоря Нагорную проповѣдь, Христосъ разумѣлъ именно то, что говорилъ.

Кромѣ того, положенія, выраженныя въ этихъ трехъ главахъ отъ Матѳея, не являются исключительными. Духъ непротивленія, равнодушія къ собственности проникаетъ всѣ рѣчи Христа. Двѣнадцать, а потомъ семьдесятъ учениковъ не должны носить съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни сумы, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Множеству народа Онъ говоритъ: „Кто изъ васъ не откажется отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть моимъ ученикомъ“. Когда одинъ человѣкъ проситъ Его заставить его брата раздѣлить съ нимъ наслѣдство, Онъ называетъ это желаніе получить свою собственность „корыстолюбіемъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: „Продай все, что имѣешь, и раздай нищимъ“.

Онъ училъ насъ молиться: „Прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ“.

Онъ говоритъ: „Блаженны нищіе...“ и „горе вамъ, богатымъ!“ Богатому юношѣ Онъ говоритъ: „Продай все имѣніе твое и раздай нищимъ“.

Часто говорятъ, что отличительной чертой этого юноши была скупость, но тѣ, которые опираются на это предположеніе, забываютъ, что Христосъ дважды проповѣдывалъ то же самое большому собранію народа, потому что корыстолюбіе есть, въ сущности, отличительная черта всего человѣчества.

Христосъ говоритъ, что для Бога возможно, чтобы богатый вошелъ въ Царство Небесное,—что, собственно, зна-

читъ войти въ истинное общеніе съ себѣ подобными на землѣ,—но Христосъ нигдѣ не намекаетъ, что богатый можетъ сдѣлать это, не освободясь отъ своихъ богатствъ.

Нужно ли доискиваться, почему Христосъ проводитъ такую рѣзкую черту между богатыми и бѣдными? Я думаю, что сознаніе этого различія должно быть врожденнымъ христіанской душѣ. Нѣтъ ничего болѣе убивающаго истинную жизнь, чѣмъ богатство, пурпуръ, тонкія одежды и сопровождающая все это гордость. Каждый изъ насъ можетъ это засвидѣтельствовать. Въ каждой изъ католическихъ церквей въ восточной, бѣднѣйшей части Нью-Йорка по воскресеньямъ утромъ испытываешь то чувство общенія, коммунизма, котораго не испытываешь въ церквахъ болѣе богатыхъ кварталовъ. Можно почувствовать братство людей въ Восточномъ Бродвеѣ или въ улицѣ Хестеръ и невозможно почувствовать его въ Пятомъ авеню *). Это все такіе ясные для всѣхъ факты, и мы не можемъ понять жизнь Христа, пока не сознаемъ, какъ глубоко Онъ былъ проникнутъ этими чувствами.

Данте прекрасно выразилъ отношеніе Іисуса къ бѣднякамъ, сказавъ, что когда Онъ покинулъ землю, Бѣдность осталась вдовой, пока св. Францискъ Ассизскій не принялъ ее въ свое сердце: „Questa, privata dal primo marito, Mille e cento anni e piu dispetta e scura Fino a costui si stette senza invito“.

Іисусъ убѣждаетъ также Своихъ учениковъ не сопротивляться, когда ихъ будутъ преслѣдовать. Они не должны имѣть посоха и должны „бѣжать въ другой городъ“. А когда Іаковъ и Іоаннъ хотѣли мстить, Онъ запрещалъ имъ, говоря: „Вы не знаете, что дѣлаете“.

Когда Его Самого взяли, Онъ остановилъ Петра, который хотѣлъ сопротивляться: „Вложи мечъ твой въ ножны, потому что всѣ, поднимающіе мечъ, мечомъ погибнутъ“.

Нужно замѣтить, что Петръ хотѣлъ сдѣлать это даже не

---

*) Восточный Бродвей — это кварталъ Нью-Йорка, населенный всякою бѣднотою и голытьбою. Пятое же авеню—улица американскихъ аристократовъ и милліонеровъ. *Ред.*

для самообороны, но для гораздо болѣе благородной цѣли— защиты своего Учителя.

Христосъ говоритъ еще: „Кто хочетъ душу свою спасти, погубитъ ее“, и „не бойтесь тѣхъ, кто убиваетъ тѣло“.

Изъ всѣхъ этихъ словъ Христа мы можемъ видѣть, что общій смыслъ ихъ отличается удивительной цѣльностью и подтверждаетъ всѣ заповѣди Нагорной проповѣди.

Бросимъ теперь взглядъ на поступки Христа, чтобы увидать, насколько они согласуются съ Его словами.

Часто рискуя подвергнуться насилію, Христосъ никогда не противился.

Его отношеніе къ собственности хорошо выразилъ Томпсонъ въ своей книгѣ „Страна книгъ“:

„Обладая неограниченной властью имѣть все, Онъ не имѣлъ ничего. Чтобы родиться, у Него не было другого мѣста, какъ чужой хлѣвъ; для молитвы не было другого мѣста, кромѣ пустыни; чтобы умереть—другого мѣста, кромѣ креста, поставленнаго Его врагами, и другой могилы, кромѣ той, которую одолжилъ Ему одинъ изъ Его друзей.

Умирая, Онъ не могъ рѣшительно ничего завѣщать Своей Матери. Онъ былъ настолько свободенъ отъ духа корыстолюбія, какъ будто Онъ принадлежалъ къ міру, гдѣ самая идея собственности была неизвѣстна. И этотъ полный отказъ отъ всякой собственности былъ не необходимостью, а свободно избраннымъ и, насколько мнѣ извѣстно, ничего подобнаго, ничего приближающагося къ этому нѣтъ въ исторіи человѣчества. Онъ остается совершенно и божественно оригинальнымъ“.

Іисусъ былъ величайшимъ изъ реформаторовъ. Онъ жилъ въ Палестинѣ подъ самымъ тяжелымъ и несправедливымъ игомъ римлянъ. Безпрерывно возмущавшійся народъ хотѣлъ, чтобы Христосъ руководилъ возстаніемъ и, въ сущности, это желаніе народа было причиной Его смерти. Но при этомъ Христосъ никогда ни словомъ, ни дѣломъ не одобрялъ сопротивленіе римской власти и даже оправдывалъ уплату податей.

Единственный случай, удостовѣряющій, что Онъ употребилъ силу, былъ тогда, когда Онъ выгналъ изъ храма мѣ-

нялъ, но о бичѣ изъ веревокъ упоминается только въ Евангеліи отъ Іоанна, и одинъ онъ упоминаетъ также о быкахъ и овцахъ. Очевидно, бичъ былъ употребленъ просто какъ обыкновенное средство выгонять скотъ. И, кромѣ того, изгнаніе изъ храма не имѣло успѣха. Христосъ побѣдилъ не этимъ, но своей кротостью до самой своей смерти.

Изъ всего вышесказаннаго должно заключить, что Христосъ словомъ и дѣломъ осуждалъ всякое сопротивленіе силою и доводилъ это до логическихъ его результатовъ.

Правящіе классы опираются на насиліе,— слѣдовательно христіанинъ не долженъ принимать участія въ правящихъ классахъ.

Правящіе классы часто призываютъ къ войнѣ, но христіанинъ не долженъ принимать въ войнѣ участія. Христосъ говоритъ: „Если бы Мое царство было отъ міра сего, тогда Мои слуги сражались бы“. Онъ говоритъ: „Не судите“, и подтверждаетъ эти слова, отказываясь присудить спорное наслѣдство и обвинить преступную женщину; въ обоихъ случаяхъ Онъ отвергаетъ законъ Моисея. Какъ мы уже видѣли, онъ подрываетъ самыя основанія этого закона, предписывая непротивленіе, какъ замѣну *lex talionis* (законъ возмездія).

Разсмотрѣвъ слова и дѣйствія Христа, мы неминуемо приходимъ къ убѣжденію, что Толстой проникъ въ ихъ смыслъ гораздо глубже, чѣмъ признанные комментаторы всѣхъ церквей.

Конечно, тотъ аргументъ, что Христосъ думалъ не то, что говорилъ, можно приложить съ одинаковымъ успѣхомъ къ произведеніямъ Толстого, и возможно, что еще за много лѣтъ до его смерти будутъ появляться книги, доказывающія, что русскій реформаторъ, какъ и его Учитель, ничего не имѣлъ противъ богатства и насилія.

Убѣжденіе большинства христіанъ, что будто бы Іисусъ поставилъ себѣ за правило говорить не то, что думалъ, скоро не въ состояніи будутъ уже отстаивать. Общая духовная честность скоро совершенно подорветъ его. Мы должны сдѣлать выборъ между Христомъ и Его ученіемъ съ одной стороны и честнымъ язычествомъ—съ другой.

Я прочелъ разъ моему девятилѣтнему сыну то мѣсто Нагорной проповѣди, гдѣ говорится о повертываніи другой щеки и отдачѣ одежды. Мнѣ хотѣлось знать его мнѣніе. Его отвѣтъ былъ краток и ясенъ: „Вотъ такъ глупости!“— было единственнымъ комментаріемъ къ этому мѣсту. Я цѣню этотъ отвѣтъ, какъ откровенно выраженное мнѣніе.

Если христіанинъ, въ глубинѣ души увѣренный, что всѣ эти заповѣди „глупости“, откровенно высказалъ бы это, это было бы большимъ выигрышемъ для правдивости, искренности человѣческой.

ГЛАВА VI.

Христіанское ученіе на практикѣ.

Исполнимы ли въ жизни заповѣди Христа? Мы можемъ отвѣтить только то, что онѣ часто испытывались на дѣлѣ, и что лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ сама исторія христіанства. Если бы былъ принятъ способъ апостола Петра бороться мечомъ, то языческій Римъ въ одинъ часъ одержалъ бы надъ христіанствомъ побѣду, но, рѣшительно отказавшись отдавать ударомъ за ударъ, несмотря на жесточайшій вызовъ, маленькая горсть христіанъ въ концѣ концовъ побѣдила имперію со всѣми ея легіонами. Кроткіе дѣйствительно наслѣдовали землю.

Іисусъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ этого способа, что могъ сказать: „Не бойся, малое стадо, потому что Отецъ твой хочетъ дать тебѣ царство".

Это пророчество связано съ заповѣдями „искать прежде всего Царствія Божія" и „продать, что имѣешь".

Практическое могущество этого ученія было вновь доказано Францискомъ Ассизскимъ, проповѣдь котораго распространилась по всему цивилизованному міру и въ значительной мѣрѣ способствовала исправленію пороковъ церкви и созданію христіанскаго искусства.

Подвиги квакеровъ также слѣдуетъ приписать исповѣданію ими непротивленія. А вѣдь ни одно христіанское общество не повліяло до такой степени на соціальные вопросы, какъ квакеры. Имъ мы обязаны началомъ агитаціи противъ войны, обращеніемъ вниманія на права женщинъ и уничтоженіемъ рабства.

Руководитель борьбы съ рабствомъ въ Америкѣ Ллойдъ

Гаррисонъ не былъ квакеромъ, но онъ былъ непротивленецъ и притомъ одинъ изъ самыхъ крайнихъ. Неужели простое совпаденіе то, что этотъ типичный непротивленецъ является въ исторіи Америки тѣмъ человѣкомъ, который сдѣлалъ больше всего для дѣла человѣчности?

Въ концѣ войны, когда президента Линкольна восхваляли за освобожденіе невольниковъ, онъ совершенно справедливо отвѣчалъ, что онъ былъ только орудіемъ освобожденія, а что все сдѣлала нравственная сила Гаррисона и его послѣдователей.

Я долженъ не надолго остановиться на характеристикѣ Гаррисона, чтобы показать, изъ какого матеріала созданы непротивленцы. О немъ можно уже судить по первому номеру его журнала „Освободитель", вышедшему 1-го января 1831 г. Гаррисонъ,—тогда еще двадцатипятилѣтній юноша,—былъ только-что выпущенъ изъ тюрьмы и не имѣлъ ни средствъ, ни связей. Взявъ въ долгъ бумаги и типографскаго шрифта, онъ и его помощникъ были принуждены въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ питаться почти только хлѣбомъ и молокомъ. Типографіей служила имъ комната на чердакѣ, гдѣ они оба и спали на полу.

И вотъ, среди такихъ условій, Гаррисонъ выступаетъ въ своей передовой статьѣ съ такими словами: „Знамя развернуто... Пусть трепещутъ враги угнетенныхъ негровъ... Я буду суровъ, какъ Правда, и непримиримъ, какъ Справедливость... Я не буду увертываться; я не отступлю ни единой пяди, *и я буду услышанъ.* Потомство засвидѣтельствуетъ, что я былъ правъ".

И потомство, дѣйствительно, засвидѣтельствовало это и давно уже рѣшило, что ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ могущественнаго дѣла болѣе мужественно, чѣмъ непротивленецъ Гаррисонъ.

Мы видимъ на примѣрѣ Гаррисона, что непротивленіе не значитъ невмѣшательство. Ни одна группа людей не вмѣшивалась такъ часто и такъ дѣйствительно, какъ непротивленцы.

Во время притѣсненія армянъ и жителей Кубы, такъ же, какъ и во время рабства негровъ, во имя справедливости

прежде всего раздался ихъ голосъ. Но это былъ именно только *голосъ,* а не ударъ кулакомъ. Только европейскія войска, съ сконцентрированными въ нихъ международными страстями, помѣшали дѣйствію нравственнаго вмѣшательства въ Турціи въ защиту армянъ.

О другомъ интересномъ примѣрѣ непротивленія разсказывается въ „Исторіи Огіо“ Кинга. Одну изъ главъ онъ посвящаетъ Моравскимъ братьямъ, которые явились въ Америку въ XVIII вѣкѣ проповѣдывать среди дикарей.

Вотъ что говоритъ Кингъ:

„Вѣра, которую они стремились распространить, была главнымъ образомъ любовь. Рѣшаясь итти съ такой проповѣдью къ дикимъ американскимъ индѣйцамъ, они уже доказывали силу своей вѣры... Странно, что всѣ правила и душевныя чувства, которыя они проповѣдывали, оказались какъ разъ свойственными природѣ индѣйцевъ и при другихъ обстоятельствахъ могли бы оказать такое вліяніе, которое измѣнило бы всю исторію краснокожихъ“.

Это, несомнѣнно, замѣчательное признаніе для историка, который вовсе не выступаетъ въ защиту непротивленія, а просто разсказываетъ факты такими, какими ихъ знаетъ. И, углубившись въ исторію, мы видимъ, что эти факты совершенно подтверждаютъ его заключенія.

Одинъ изъ вождей делаваровъ, главный ораторъ племени, по имени Глихиканъ, услыхавъ о Моравскихъ братьяхъ среди его соплеменниковъ, пришелъ издалека, чтобы увидать ихъ и побѣдить своими аргументами. Къ всеобщему изумленію, онъ самъ проникся ихъ убѣжденіями, сложилъ оружіе и присоединился къ братьямъ, несмотря на насмѣшки другихъ воиновъ; многіе послѣдовали его примѣру, и Моравскіе братья стали пользоваться такимъ почетомъ среди делаваровъ, что были даже приняты въ члены племени.

Были основаны три деревни индѣйцевъ - непротивленцевъ и „земли, дома и жатвы въ этой колоніи стали общимъ достояніемъ“.

Сосѣдніе индѣйцы были скоро привлечены этими нововведеніями.

Моравскіе братья разсчитывали достигать своей цѣли не

только вліяніемъ на сердца. Они стремились привлечь индѣйцевъ къ духу христіанскаго мира, порядка и любви такъ же путемъ развитія среди нихъ мирнаго трудолюбія.

„Легко прослѣдить, какъ индѣйцы сближались съ Моравскими братьями. Увѣрившись въ доброжелательствѣ индѣйцевъ, братья поставили своей главной цѣлью обратить дикарей къ миру и любви въ жизни. Чтобы достигнуть этого, нужно было непрерывно отвращать мысли этихъ дикихъ дѣтей лѣсовъ отъ крови и грабежа и направлять къ любви къ Тому, Кто далъ міру все его человѣколюбіе и въ Комъ и краснокожіе и бѣлые одинаково найдутъ покой. Ежедневные гимны и богослуженія, такъ привлекавшіе индѣйцевъ, увѣщанья проповѣдниковъ — все призывало ихъ къ жизни и смерти, подобнымъ жизни и смерти Того, Кто умеръ, не противясь насилію своихъ враговъ. Все это требовало какъ разъ противоположнаго ихъ природѣ. Но страданія и распятіе Іисуса Христа въ яркомъ и пламенномъ изображеніи моравскихъ проповѣдниковъ почти всегда запечатлѣвались въ умѣ даже самыхъ свирѣпыхъ воиновъ, такъ какъ вообще высшимъ стремленіемъ ихъ былъ героизмъ плѣнника въ послѣдней агоніи пытки. Этому они всегда готовы были поклоняться.

„Хотя необращенные еще воины относились съ презрѣніемъ къ христіанскому прощенію и смиренію, при которомъ ударившему совѣтовалось подставить другую щеку, — но и передъ этимъ идеаломъ многіе изъ нихъ сдавались и, безмолвно поклоняясь молящимся индѣйцамъ, какъ ихъ называли, бросали свои военные подвиги. Среди нихъ было много знаменитыхъ вождей“.

Кингъ думаетъ, что если бы Моравскіе братья пришли на десять лѣтъ раньше или позже, они повліяли бы болѣе сильно и прочно на судьбу туземцевъ. Но они пришли въ плохое для этого время. Въ 1175 году разразилась революція, и обѣ воюющія стороны стали дѣлать попытки вовлечь делаваровъ въ войну. Въ продолженіе пяти лѣтъ миссіонерамъ и индѣйцамъ-христіанамъ удавалось убѣдить ихъ соблюдать нейтралитетъ. Посольство Віандо пришло предложить имъ участіе въ войнѣ, но делавары отвѣчали,

что „мы обѣщали держать цѣпь дружбы обѣими руками, и поэтому у насъ не хватаетъ рукъ, чтобы поддерживать войну".

Жители моравскихъ поселеній радушно приняли военныя посольства, и войска не потревожили ихъ.

Однако, наконецъ, взаимная борьба бѣлыхъ внесла разрушеніе въ поселенія братьевъ. Туда явились трое преступниковъ, которые были прежде заключены въ американскихъ тюрьмахъ, а теперь хотѣли возстановить индѣйцевъ противъ своихъ прежнихъ тюремщиковъ. Они стали распространять среди краснокожихъ дурные слухи о миссіонерахъ и сдѣлали двѣ попытки убить ихъ.

Моравскіе братья были принуждены въ концѣ концовъ перенести дальше свои поселенія. „Имъ теперь начала открываться ужасная правда: среди дикарей они были въ полной безопасности, а настоящими ихъ врагами являлись бѣлые, и именно тѣ, къ которымъ они относились наиболѣе дружественно, т.-е. американцы".

Англичане, считая, что Моравскіе братья слишкомъ дружны съ американцами, подстрекали индѣйцевъ шести племенъ выгнать ихъ. На индѣйцевъ подѣйствовали угрозами, моравскіе проповѣдники были схвачены, а дома индѣйцевъ-христіанъ разграблены. Глихиканъ отказался защищаться и былъ взятъ въ плѣнъ, но потомъ освобожденъ.

Моравскіе братья опять перешли на другое мѣсто, гдѣ едва не умерли съ голода.

Когда же они вернулись на мѣсто своего прежняго поселенія, чтобы собрать созрѣвшую пшеницу, то были предательски убиты шайкой изъ девяносто шести американцевъ. Глихиканъ былъ въ числѣ убитыхъ; онъ отказался защищаться, несмотря на то, что если бы онъ издалъ военный кличъ, его слава, какъ воина, придала бы новую храбрость его товарищамъ и, можетъ-быть, помогла бы имъ спастись.

Это бѣдствіе положило конецъ моравскимъ проповѣдническимъ миссіямъ.

Другой, болѣе поздній примѣръ осуществленія ученія Христа среди дикихъ племенъ, даетъ намъ Генри Ричардсъ,

англійскій миссіонеръ, принадлежавшій къ Американскому Обществу Миссіонеровъ Баптистовъ. Въ 1879 году онъ отправился на проповѣдь въ Африку, въ Банка Мантекель, въ Конго. Онъ былъ первымъ миссіонеромъ, проникшимъ туда. Ричардсъ нашелъ, что туземцы были закоренѣлыми ворами и считали похвалой, если ихъ называли лжецами. Но жестокость не была въ числѣ ихъ пороковъ.

Онъ говоритъ:

„Я ни въ какомъ случаѣ не считаю африканцевъ жестокими отъ природы и нахожу, что англичане гораздо болѣе жестоки и безчеловѣчны. Когда порочный бѣлый человѣкъ освобождается отъ стѣсненій общественной жизни, отъ общественнаго мнѣнія, отъ прямого вліянія христіанства, онъ становится настоящимъ демономъ. Я видалъ бѣлыхъ людей, совершавшихъ въ одинъ день больше безчеловѣчныхъ поступковъ, чѣмъ всѣ африканцы за все время, пока я жилъ среди нихъ".

Въ теченіе нѣкотораго времени Ричардсъ проповѣдывалъ туземцамъ многое изъ Ветхаго Завѣта, но безуспѣшно.

„Я началъ,—говоритъ онъ,—изучать Писанія и почувствовалъ, что въ моей проповѣди есть какая-то ошибка".

Онъ рѣшилъ, что дикарямъ нужны не библейскіе законы, а Евангеліе.

„Я нашелъ, что лучше всего взять Евангеліе отъ Луки, такъ какъ оно всего полнѣе и больше подходитъ для язычниковъ. Я началъ ежедневно переводить на туземный языкъ десять или двѣнадцать стиховъ, читалъ и объяснялъ ихъ народу, прося Бога благословить дѣйствіе Его словъ. Народъ сразу заинтересовался Евангеліемъ, между тѣмъ, когда я проповѣдывалъ библейскіе законы, народъ, очевидно, былъ недоволенъ и отвертывался отъ меня. Имъ не нравились постоянныя обвиненія въ грѣхахъ.

„Когда же я сталъ разсказывать, какъ Господь Іисусъ Христосъ пришелъ на землю младенцемъ, какъ Онъ выросъ и сталъ творить добро, народъ сразу заинтересовался, моя вѣра укрѣпилась, и я началъ надѣяться, что всѣхъ ихъ можно обратить.

„Все шло очень хорошо, пока я не дошелъ до 30-го стиха

6-й главы отъ Луки. Тутъ возникло новое затрудненіе. Я уже говорилъ, что туземцы были отъявленными попрошайками. Они выпрашивали у меня мой единственный ножикъ, тарелку, одѣяло, и когда я говорилъ, что не могу ихъ имъ дать, они отвѣчали: „Ты можешь достать еще“.

„Они видѣли, что я писалъ записки и посылалъ въ Палабалу, и мнѣ присылали разныя вещи, и они думали, что бѣлому человѣку стоитъ написать записку, чтобы получить все, что ему угодно, и, конечно, они должны были считать меня скупцомъ и эгоистомъ за то, что я не давалъ имъ всего, что они просили.

„Въ своемъ переводѣ я дошелъ до текста: „Всякому, просящему у тебя, давай“, а я всегда читалъ туземцамъ все по порядку. Человѣкъ, помогавшій мнѣ при переводѣ, не понялъ моего затрудненія. Я сказалъ ему, что онъ мнѣ въ этотъ день больше не нуженъ и пошелъ къ себѣ помолиться. Подходило время ежедневнаго богослуженія. Мнѣ пришло на мысль, не пропустить ли этотъ стихъ, но тутъ же совѣсть упрекнула меня, и я понялъ, что это будетъ безчестно. Пришло время богослуженія, но я не сталъ продолжать чтенія Евангелія, а возвратился къ началу его, думая, что это дастъ мнѣ время найти смыслъ того текста. Я все-таки не могъ найти другого значенія этого текста, кромѣ самаго прямого, и сталъ справляться съ комментаріями. Я и прежде часто дѣлалъ это, но почти всегда оказывалось, что именно о томъ текстѣ, который былъ особенно важенъ, въ комментаріи ничего не говорится. На этотъ разъ, однако, я нашелъ то, что нужно. Въ комментаріи объяснялось, что Господь вообще выражалъ здѣсь лишь общіе принципы, что мы сдѣлали бы вмѣсто добра много зла, если бы приняли этотъ текстъ буквально, такъ какъ тогда пришлось бы давать лѣнтяямъ, пьяницамъ и т. п. Господь разумѣлъ просто, что мы должны быть добры, великодушны, что мы должны всегда давать тѣмъ, кто дѣйствительно нуждается, руководясь при этомъ здравымъ смысломъ.

„Прочтя это, я подумалъ, отчего бы Христу не говорить того, что Онъ Самъ думалъ? Неужели Онъ не умѣлъ вы-

разить правильно Свои мысли? Если Онъ подразумѣваетъ не то, что говоритъ, то какъ же я могу знать, не дѣлаетъ ли Онъ того же въ другихъ мѣстахъ Евангелія? Я знаю, что Онъ говоритъ образами и притчами, которыя можно объяснять различно, но тутъ мы имѣемъ текстъ, понятный даже для ребенка, и если этотъ текстъ можно истолковать только какъ предписаніе быть добрымъ и великодушнымъ, то отчего же не толковать и другіе тексты такимъ же широкимъ способомъ?

„Если бы можно было толковать Писаніе такимъ образомъ, то мы могли бы выводить изъ него какія угодно ученія. Что же касается до здраваго смысла, то вѣдь того, что принято обыкновенно называть здравымъ смысломъ, очень мало въ Нагорной проповѣди. Предписываетъ ли когда-нибудь здравый смыслъ такія положенія, какъ „блаженны нищіе, алчущіе, плачущіе“. „Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать“. Согласно ли это со здравымъ смысломъ? Здравый смыслъ учитъ насъ, что мы блаженны тогда, когда не чувствуемъ ни въ чемъ недостатка. „Мы должны любить ненавидящихъ насъ и молиться за враговъ нашихъ“. Предписываетъ ли здравый смыслъ что-нибудь подобное?

„Далѣе: скажетъ ли намъ здравый смыслъ: „Если кто ударитъ тебя въ одну щеку, обрати къ нему и другую?“ Здравый смыслъ скажетъ: „Если кто ударитъ тебя въ щеку, отвѣть ему тѣмъ же“.

Говоритъ ли здравый смыслъ: „Если врагъ твой голоденъ, накорми его?“ Здравый смыслъ говоритъ: „Оставь его голодать; чѣмъ скорѣе онъ умретъ, тѣмъ лучше“.

„Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, но на небѣ“. На это здравый смыслъ говоритъ: „Отложи сначала хорошій запасъ на землѣ, а потомъ уже думай о душѣ“.

„Ищите прежде всего Царства Небеснаго и правды Его“. А здравый смыслъ говоритъ: „Добывайте деньги силой“.

„Въ это время чрезъ селеніе, гдѣ я жилъ, проходилъ одинъ миссіонеръ, и я объяснилъ ему свое затрудненіе; но онъ улыбнулся и сказалъ: „Никто не старается жить по Евангелію въ такомъ буквальномъ смыслѣ“, и прошелъ дальше.

„Я никогда не могъ понять, какъ можно толковать Евангеліе въ переносномъ смыслѣ. Въ концѣ Нагорной проповѣди намъ дается торжественное предостереженіе (Лук. VI, 46—49):

„Что вы зовете меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю? Всякій приходящій ко Мнѣ и слушающій слова Мои и исполняющій ихъ, скажу вамъ, кому подобенъ: онъ подобенъ человѣку, строющему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось наводненіе, и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ. А слушающій и неисполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ обрушился; и разрушеніе дома сего было великое"...

„Послѣ почти двухнедѣльной молитвы и размышленій, я пришелъ къ заключенію, что Христосъ подразумѣвалъ именно то, что говорилъ; тогда я пошелъ и прочелъ этотъ текстъ народу, говоря, что Христосъ говоритъ въ немъ то, что думаетъ. Если бы я сказалъ имъ, что Христосъ говоритъ не то, что думаетъ, они сочли бы меня за дурака. Я сказалъ имъ, что Христосъ поставилъ намъ такую высокую цѣль, что намъ, можетъ-быть, въ цѣлую жизнь не достигнуть ея, но что мы должны стараться исполнять то, что проповѣдую имъ. У туземцевъ было очень много здраваго смысла, и они сразу увидѣли бы несоотвѣтствіе между проповѣдью и жизнью человѣка. Послѣ проповѣди туземцы начали выпрашивать у меня разныя вещи, и я давалъ имъ. Я сталъ думать, до чего это можетъ дойти, но всетаки не могъ представить, что Христосъ подразумѣвалъ не то, что говорилъ. Я рѣшилъ пытаться исполнять этотъ текстъ, хотя не могъ еще всего понять въ немъ.

„Такъ шло дѣло въ теченіе двухъ-трехъ дней.

„... Этотъ случай произвелъ сильное волненіе въ народѣ. Они никогда раньше не слыхали такой проповѣди, не видали такой жизни и теперь жадно слушали слова Господа. Одинъ разъ послѣ богослуженія кучка народу собралась недалеко отъ моего дома. Я смотрѣлъ на нихъ изъ окна, но они меня не видѣли.

„Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Я то-то и то-то выпросилъ вчера у бѣлаго человѣка“; другой сказалъ: „Я попрошу еще того-то и того-то у бѣлаго человѣка“. Но тогда другіе стали говорить: „Если тебѣ нужно все это, лучше пойди и купи“.

„Послѣ этого я жилъ среди дикарей еще три года, и они очень рѣдко просили у меня чего-либо.

„Во время такого нравственнаго возрожденія пріѣхалъ еще миссіонеръ. Онъ былъ въ восторгѣ, что народъ обратился отъ нѣмыхъ идоловъ къ Богу, и спрашивалъ меня, какъ это началось. Я разсказалъ ему свои опыты и затрудненія съ тѣмъ текстомъ. Онъ спросилъ меня, неужели я дѣйствительно думалъ, что въ этомъ мѣстѣ Евангелія подразумѣвается то именно, что говорится, и сказалъ: „Здѣшній народъ знаетъ васъ; вы тутъ живете уже семь лѣтъ. Но если бы вы переѣхали въ Палабалу, тамошній народъ выпросилъ бы у васъ вашъ домъ и выгналъ бы васъ изъ него“.

„Я ѣздилъ въ Палабалу, и тамошніе туземцы всегда что-нибудь выпрашивали у меня, но впослѣдствіи я поѣхалъ туда съ своей женой, оставался тамъ цѣлую недѣлю, и никто ничего рѣшительно у меня не выпрашивалъ“.

Результатомъ новаго метода проповѣдывать Евангеліе было то, что у Ричардса скоро оказалась тысяча обратившихся въ христіанство, тогда какъ прежде не было ни одного.

Онъ утверждаетъ, что эти обращенные дѣйствительно христіане по сердцу, такъ же какъ и по имени.

„Я рѣшительно протестую противъ посѣщенія ими Англіи или Америки,—говоритъ онъ,—потому что они увидятъ, насколько тамъ искажено христіанство“.

Онъ резюмируетъ весь вынесенный имъ опытъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я вѣрю, что если мы будемъ искать Царствія Божія и правды Его, то все остальное намъ приложится“.

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Если во внѣшней жизни Толстого искусство играетъ мало роли, то это вовсе не значитъ, что онъ не обращаетъ на него вниманія и что онъ не разсматривалъ вопросъ объ искусствѣ и не отвѣтилъ на него такъ, какъ считалъ нужнымъ. Но онъ совершенно отрицаетъ и отказывается признавать искусствомъ современную роскошь и изнѣженность, доступную только немногимъ избраннымъ.

Истинное искусство, по его мнѣнію, есть та человѣческая дѣятельность, посредствомъ которой художникъ передаетъ другимъ тѣ чувства, которыя онъ самъ пережилъ, передаетъ такъ, чтобы другіе люди заразились ими. Такое искусство соединяетъ людей другъ съ другомъ посредствомъ ихъ чувствъ.

Глубочайшее чувство нашего времени есть чувство братства, любви, объединенія, и истинное искусство должно стремиться къ прославленію этого чувства. Съ этой точки зрѣнія почти все современное искусство является несостоятельнымъ, и Толстой ожидаетъ, что новая, истинная жизнь произведетъ новое, истинное искусство.

Самымъ выдающимся его художественнымъ произведеніемъ послѣднихъ лѣтъ былъ романъ „Воскресеніе“, краснорѣчивѣйшій обвинительный актъ противъ кастъ и правительствъ, привлекшій вниманіе всего міра.

Что касается до обязанностей каждаго отдѣльнаго человѣка, то Толстой учитъ насъ дѣлать другимъ то, чего мы бы сами хотѣли отъ нихъ.

„Только когда я сознал въ себѣ то чувство любви, которое требуетъ подчиненія этому закону, сердце мое стало счастливо и спокойно, и я не только зналъ, какъ надо поступать, но зналъ такъ же и различалъ то дѣло, въ которомъ я могу и долженъ участвовать. Дѣло это—уничтоженіе раздора и вражды между людьми и всѣми живыми существами и установленіе наивысшаго единства, согласія и любви. Человѣкъ всегда долженъ участвовать въ развитіи любви и единенія между всѣмъ созданнымъ“.

Совершенствующіеся инстинкты человѣка, его совѣсть, просвѣтленная самоотверженіемъ,—вотъ что считаетъ Толстой настоящимъ орудіемъ для осуществленія своихъ идей, а не способность къ умствованію.

„Для многихъ людей нашего круга,—говоритъ онъ,—было бы невозможно мучить или убить ребенка, даже если бы имъ сказали, что при этомъ они спасли бы сотни другихъ жизней. Такимъ же образомъ, когда въ комъ-либо развивается чувство христіанина, онъ находитъ для себя невозможнымъ цѣлый рядъ дѣйствій. Напримѣръ, христіанинъ, которому пришлось бы принимать участіе въ судѣ, кончающемся смертнымъ приговоромъ, который участвовалъ бы въ совѣщаніи о высылкѣ или въ объявленіи войны или въ приготовленіяхъ къ ней, оказался бы въ положеніи такого культурнаго человѣка, который былъ бы призванъ мучить или убивать ребенка“.

И какъ чувства человѣка измѣняютъ и улучшаютъ его поведеніе, такъ же и общественныя чувства, т.-е. общественное мнѣніе, преобразуютъ общество. Войны и насилія прекратятся, потому что станутъ постепенно ненавистны сердцамъ людей.

Ошибочно было бы смотрѣть на взгляды Толстого какъ на произведеніе уединеннаго ума. Онъ является во многихъ отношеніяхъ представителемъ всего лучшаго, что есть въ горячо имъ любимомъ русскомъ крестьянствѣ. Леруа Болье въ своемъ сочиненіи „Имперія Царей и Русскіе“ (т. III, гл. 3) говоритъ, что простой русскій народъ замѣчателенъ „своимъ милосердіемъ и смиреніемъ и (что еще рѣже встрѣчается и почти неизвѣстно въ подобныхъ же классахъ другихъ странъ) своимъ духомъ аскетизма и отреченія, любви къ бѣдности и стремленіемъ къ самобичеванію и самопо-

жертвованію". Онъ говоритъ такъ же, что нравственнымъ идеаломъ народа является полнѣйшая чистота, цѣломудріе.

Такимъ образомъ, Толстой является выразителемъ духовныхъ особенностей русскаго народа, и счастливъ этотъ народъ, что имѣетъ своимъ представителемъ такого геніальнаго человѣка.

Здѣсь мы простимся съ этимъ великимъ учителемъ, великимъ особенно своимъ чистосердечіемъ и простотой. Удивительный образъ представляетъ этотъ дворянинъ-крестьянинъ, этотъ аристократъ по рожденію, осуждающій всякое правительство и всякую касту, этотъ ветеранъ двухъ войнъ, объявляющій смертнымъ грѣхомъ кровопролитіе, этотъ страстный охотникъ, ставшій вегетаріанцемъ, этотъ землевладѣлецъ, ставшій послѣдователемъ Генри Джорджа, этотъ богачъ, не желающій имѣть никакого дѣла съ деньгами, этотъ знаменитый романистъ, считающій, что потерялъ время, когда писалъ большинство своихъ художественныхъ произведеній, этотъ моралистъ, книга котораго „Крейцерова соната" была запрещена къ разсылкѣ главнымъ сѣверо-американскимъ почтъ-директоромъ какъ безнравственное произведеніе.

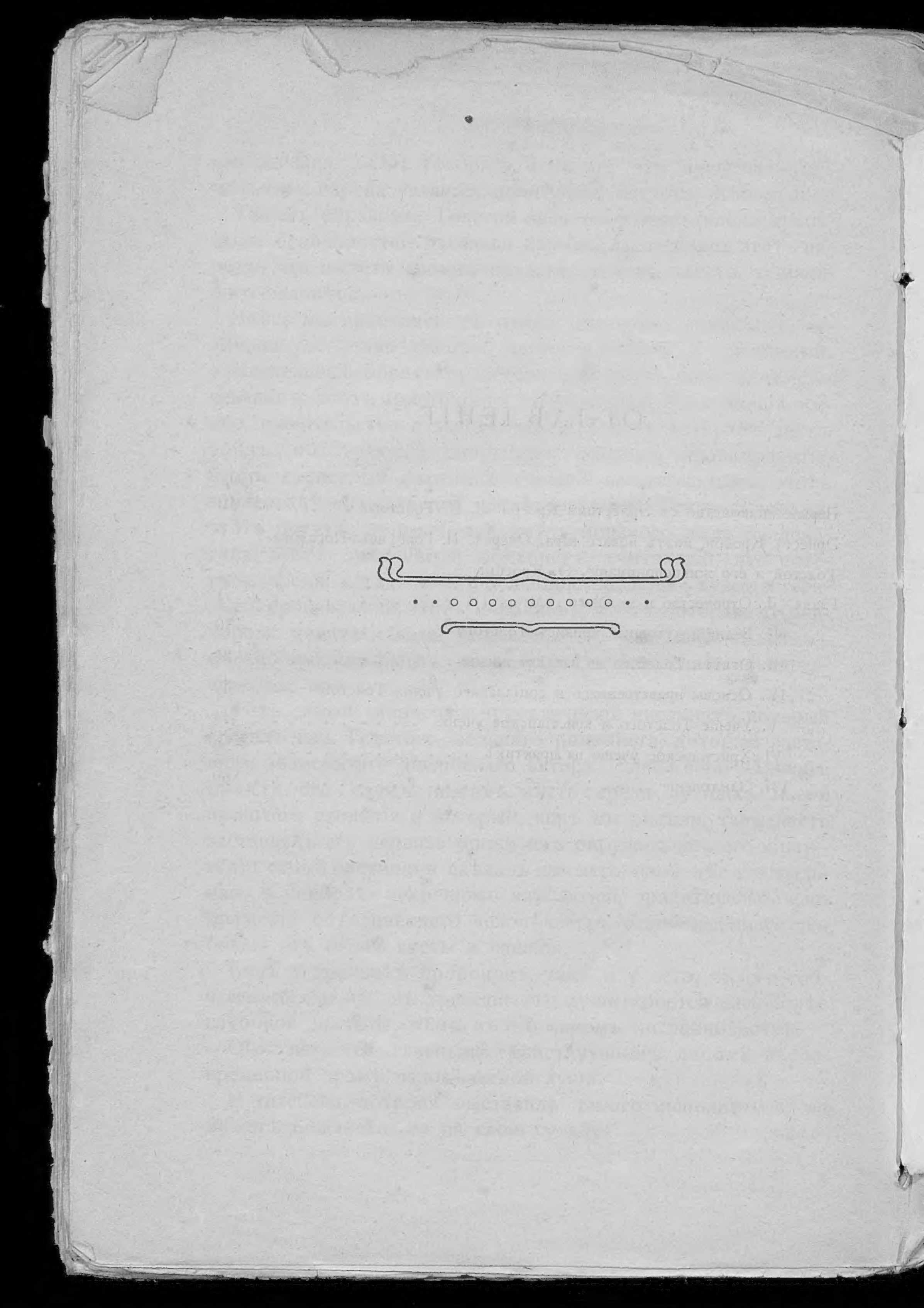
Тотъ самый творческій, драматическій инстинктъ, который создалъ изъ Толстого великаго романиста, который заставилъ знаменитаго англійскаго актера сэра Генри Ирвинга отвести его двумъ пьесамъ мѣсто среди лучшихъ пьесъ прошлаго столѣтія и который, какъ мы видѣли, такъ часто заставлялъ его черпать уроки изъ окружающаго его міра,— этотъ самый инстинктъ сдѣлалъ изъ него, наименѣе театральнаго и наиболѣе искренняго изъ людей, драматическое изображеніе объединеннаго человѣчества, освобожденнаго любовью отъ оковъ касты и насилія.

Какъ у древнихъ пророковъ, такъ и у него, въ его собственной жизни, въ трагедіи его души кроется еще болѣе глубокое значеніе, чѣмъ въ его явномъ посланничествѣ.

Онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ современной драмѣ человѣческой души.

И та сцена, которая выставила такого исполнителя, не можетъ пожаловаться на свою судьбу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОЧИНЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО,

изданныя „ПОСРЕДНИКОМЪ".

Недѣланіе. Ц. 5 к., на деш. бум. 3 к.

Первая ступень. Ц. 6 к., на деш. бум. 2½ к.

Для чего люди одурманиваются. Богу или маммонѣ. Ц. 1½ к.

Голодъ. (Сборникъ статей.) Ц. 15 к., на деш. бум. 10 к.

Содержаніе. О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Помощь голоднымъ. Среди нуждающихся. Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей". Голодъ или не голодъ?

Земля и трудъ. (Сборникъ.) Ц. 15 к., на деш. бум. 10 к.

Мужчина и женщина. (Мысли о половомъ вопросѣ.) Ц. 15 к.

Для чего мы живемъ? (Мысли о смыслѣ жизни.) Ц. 10 к., на деш. бум. 5 к.

Афоризмы и избранныя мысли, собранныя Л. Никифоровымъ. Выпускъ 1. Ц. 30 к.

Единеніе. Избранныя мысли. (Изъ „Круга чтенія".) Ц. 10 к., на деш. бум. 5 к.

Разумъ. Избранныя мысли. (Изъ „Круга чтенія".) Ц. 10 к., на деш. бум. 5 к.

Богъ. Избранныя мысли. (Изъ „Круга чтенія".) Ц. 10 к., на деш. бум. 5 к.

Божественная природа души. Избранныя мысли. (Изъ „Круга чтенія".) Ц. 12 к., на деш. бум. 6 к.

Свобода. Избранныя мысли. (Изъ „Круга чтенія".) Ц. 10 к., на деш. бум. 5 к.

Въ чемъ счастье? Ц. 3 к., на деш. бум. 2 к.

Любовь. Ц. 3 к., на дешев. бум. 1½ к.

О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма. Ц. 2 к.

I. О самосовершенствованіи. II. О сознаніи духовнаго начала. Ц. 3 к., на деш. бум. 2 к.

Противъ толстовства. Ц. 3 к.

Содержаніе. О толстовскомъ обществѣ. Мысли о магометанствѣ, буддизмѣ и христіанствѣ. О вѣрѣ и невѣріи.

Неужели такъ надо? Ц. 2 к.

Надоѣло. Изъ статьи о голодѣ. Съ рис. Е. Бемъ. Ц. 10 к.

Письмо къ крестьянину о землѣ. (О проектѣ Генри Джорджа.) Ц. 1 к.

Продаются въ книжномъ магазинѣ **„Посредникъ"** (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада книгоиздательства **„Посредникъ"** (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову).

Цѣна 45 коп.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.